

Татьяна Копыленко

ХЕРСОНЕС

ВЛАДИМИР. РУСЬ. ЕДИНСТВО

«...он вздумал... завоевать веру христианскую и принять её святыню рукою победителя».

Н.М. Карамзин

«И на берег вышел, душой возрождён,
Владимир для новой державы,
И в Русь милосердия внёс он закон —
— Дела стародавних, далёких времён,
Преданья невянущей славы!»

А.К. Толстой

«Песня о походе Владимира на Корсунь»

«Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как называли его русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь. И именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом. И это дает нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение».

В.В. Путин

ХЕРСОНЕС

ВЛАДИМИР. РУСЬ. ЕДИНСТВО

Татьяна Копыленко

Татьяна Копыленко

ХЕРСОНЕС

ВЛАДИМИР. РУСЬ. ЕДИНСТВО

Севастополь
2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-2Сев)
К65

Копыленко Т. Т.
К65 Херсонес. Владимир. Русь. Единство —
Севастополь : 2019. — 104 с.
ISBN 978-5-6040392-8-1

В своей книге Татьяна Копыленко излагает собственную версию принятия христианской веры князем Владимиром. Хотя книга написана в жанре исторической фантастики, автор опирается на исследования современных ученых, древние летописи, предания. Писательница сводит вместе реальных и былинных персонажей разных эпох: князя Владимира, византийскую принцессу Анну и апостола Андрея Первозванного, Змея Горыныча, Руслана и Людмилу, русских богатырей и Георгия Победоносца.

Пусть читателя не удивляют разные названия города, в котором принял крещение и обрел свой новый путь князь Владимир: византийцы называли его в своих хрониках Херсон, русские летописцы — Корсунь. Мы же называем его Херсонес — ведь именно это его древнее имя вернулось в наш сегодняшний день, принеся с собой загадочность и мудрость прожитых веков.

Адресуется широкому кругу читателей.

Русская земля — тебе!

*«...он вздумал... завоевать веру христианскую
и принять её святыню рукою победителя»*

Н. М. Карамзин

*«И на берег вышел, душой возрождён,
Владимир для новой державы,
И в Русь милосердия внёс он закон —
— Дела стародавних, далёких времён,
Преданья невянущей славы!»*

А. К. Толстой

«Песня о походе Владимира на Корсунь»

*«Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе,
или, как называли его русские летописцы, Корсунь,
принял крещение князь Владимир,
а затем и крестил всю Русь.*

*И именно на этой духовной почве наши предки
впервые и навсегда осознали себя единым народом.
И это даёт нам все основания сказать,
что для России Крым, древняя Корсунь,
Херсонес, Севастополь
имеют огромное цивилизационное
и сакральное значение».*

В. В. Путин

От автора

Когда меня спрашивают, как я выбираю сюжеты для книг, я отвечаю всегда одно и то же — я не знаю.

Действительно — я их не придумываю, не выбираю. Это они выбирают меня. Прилетают из вышних высей, из дальних далей — времени и пространства...

Так и с этой книгой.

Когда ко мне прилетело воспоминание из детства о стройных, мраморных колоннах Херсонеса, как-то сам сложился сюжет этой книги, её тональность, образы, и стали проявляться символические параллели и совпадения.

Крещение великого князя русского Владимира в Херсонесе/Корсуни для меня — факт.

Факт, с которым согласны летописцы и историки разных времён — как светские, так и церковные. И я полностью им доверяю.

Что касается символов и параллелей, то...

Нет, не буду рассказывать ☺

Читайте.

Ладно, хорошо — только один маленький «спойлер».

Есть версия, что на месте современного Коктебеля в Крыму Святой Георгий Победоносец сразил змея, олицетворявшего Зло. Вы скажете, что это не так, и что святой Георгий сразил змея (дракона) совсем в другом месте и в другое время?

Я же вполне допускаю, что таких мест могло быть не одно — зло многолико, а пути Господни и воля Его неисповедимы.

Остальные параллели и символы легко читаются в книге.

Ой, чуть не забыла сказать: вы согласитесь или не согласитесь с тем, что написано в этой книге, вам понравится эта история или нет...

Я высказала своё мнение.

С уважением, автор

**ВИЗАНТИЯ, НЕДАЛЕКО
ОТ ХЕРСОНЕСА,
65 ГОД ПО РХ**

Синее-синее, невероятное, бескрайнее море
мерно накатывало на берег, ласково оmyвая
его белопенными волнами.

Какая красота...

Господи! Ка-ка-я кра-со-та-а-а-а!

Ширь...

Простор...

Сердце радуется...

Андрей стоял на прогретом южным солнцем,
лежащем на берегу большом камне, его босым
ступням было приятно это тепло. Он медленно,
с наслаждением, полной грудью вдохнул свежий
морской воздух, причмокнул, словно пробуя на
язык его солоноватый вкус.

Выйти бы сейчас в море на лодке под парусом,
забросить сеть, лениво покачаться на волнах...

Но — не до того ему теперь. Может позже... по-
том... когда-нибудь...

Когда?

Так ли это важно?..

Андрей светло улыбнулся, как улыбался всегда, когда вспоминал...

...северный берег Генисаретского озера, город Вифсаид, он и его брат Симон ловят рыбу...

— Э-э-э-й, Андре-е-е-е-е-й! — позвали его с берега.

— Слы-ы-ы-шу-у-у-у! — отозвался он с лодки.

— Иоанн Креститель проповедует о приходе Мессии-и-и-и-и!

— Где-е-е-е?

— На реке Иорда-а-а-а-а-н! — принес ответ ветер.

Андрей сразу повернул лодку к берегу, причалил, оставил всё и отправился к Иоанну. Он с бесконечным, неотрывным вниманием, всем сердцем и душой, впитывал учение, и вскоре стал ближайшим учеником Крестителя.

Солнечным днём, ставшим поворотным в жизни Андрея, он увидел Иисуса Христа — в тот день Креститель указал ему на идущего мимо молодого мужчину, с кроткими, мудрыми не по возрасту глазами.

«Вот Агнец Божий», — сказал тогда ученику Иоанн, и Андрей пошёл вслед за Христом, и стал его первым учеником, поэтому люди стали называть его — Первозванный.

До последнего дня земного пути Спасителя шёл за ним его Первозванный апостол. Был он со всеми учениками Христовыми, и когда перед распятием Господь Иисус Христос в свою прощальную беседу поведаль апостолам о предстоящем сошествии Святого Духа. Тогда Спаситель объяснил ученикам, что Утешитель — Дух Святой — должен вскоре прийти к ним, чтобы завершить дело спасения людей.

«Я умолю Отца, и Он даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами во веки, — Духа Истины... Он научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам... Он — Дух Истины... Дух Истины, Который от Отца исходит, будет свидетельствовать о Мне», — эти слова Спасителя потрясли Андрея, исполнили надежды, но горя его смягчить не смогли, не смогли утишить боль.

Андрей увидел страдания и смерть на кресте Иисуса Христа, и так велико было его горе по Спасителю, что седые пряди появились в его волосах.

Когда Первозванный стал свидетелем Воскресения и Вознесения Господня, то словно воскрес к жизни вместе с Учителем, но седина так и осталась в его волосах — как напоминание о пережитом горе.

Прошло всего пятьдесят дней после Воскресения Иисуса и произошли чудеса, о которых он предупреждал своих учеников.

После вознесения Иисуса на Небо, ученики Его готовились к принятию Святого Духа.

Вместе с Пресвятой Девой Марией, с жёнами-мироносицами и другими верующими, находились они в Иерусалиме в Сионской горнице, там, где незадолго до Своих страданий Господь совершил Тайную вечерю.

Никто не знал, как именно состоится пришествие Духа Утешителя, и все с трепетом его ожидали.

Андрей помнил, как одним утром, неожиданно, словно гром среди ясного неба, над Сионской горницей послышался шум — казалось, что в небесах бушевал сильный ветер. Шум этот наполнил горницу и одновременно с этим над головами апостолов появились огненные языки.

Эти чудесные огненные языки ярко пылали, но не обжигали. Каждый, на кого спускался огненный язык, чувствовал чистую радость и воодушевление, умиротворение и горячую любовь к Господу.

И тогда же по наитию Духа Святого совершилось ещё одно чудо: вышел к людям с проповедью апостол Пётр, и те, выслушав его, были настолько впечатлены его словами, что ещё до захода солнца приняли крещение. Три тысячи человек крестились тогда, и стали они первой христианской общиной, сплотившейся вокруг учеников Христовых.

Огненными сотворил Дух Святой сердца и ум апостолов, освятил и просветил их, напомнил им всё, что они раньше слышали от Спасителя, и дал им силы, чтобы весь мир привести ко Христу, проповедовать Евангелие по всей земле.

И разделили апостолы между собой страны, и понесли евангельскую проповедь по всему миру...

С тех пор Первозванный апостол нёс народам любовь, мир, Божье слово и свет. Да, именно так — свет.

Андрей уже давно был в странствии — он обходил иверов, сарматов, тавров, скифов, страны и народы, которые лежали к северу от Эвксинского Понта. Ему нравилось странствовать, он всей душой стремился выполнить возложенную на него миссию. Таковую же, какую несли его братья-апостолы...

Дорога его была трудна, почти везде власти встречали ученика Христова жестокими гонениями, но апостол с кротостью и смирением, подкрепляемый силой своей веры, терпел скорби и страдания, переносил бедствия во имя Спасителя.

И шёл, шёл, шёл, опираясь на яблоневый посох, всё дальше...

Когда он покидал очередной город, селение или семью, он ясно видел, что лица, глаза, души людей начинали светиться изнутри — они светились Любовью.

Андрей помнил свет, который всегда окружал Спасителя. Ему казалось, что этот чудесный свет сияет неугасимой лампадой в его сердце с тех пор, когда он услышал голос Господа, проникавший в его душу, в самое сердце. Этот свет он нёс по миру...

Из Боспора Андрей прибыл в Феодосию, затем отправился в Херсонес. И вот уже он вскоре войдёт в этот красивый город...

Ещё немного постоял апостол на тёплом камне, затем сошёл с него, не заметив, что на шершавой поверхности остался отпечаток его босой ноги. На несколько мгновений Андрей остановился у самой кромки моря, посмотрел из-под ладони на залитое золотым солнечным светом небо, и, ровным шагом привыкшего к дорогам путника, легко опираясь на яблоневого посох, двинулся по берегу вдоль моря и вошёл в Херсонес.

Город встретил его обычной суетой. Апостол обошёл его, наслаждаясь красотой стройных белых колонн, изысканными орнаментами, запахом моря, фруктов, трав. Он постоял на причале наблюдая, как лёгкие суда выходят в море на лов рыбы, как прибывают суда побольше, привозя в город товары из далёких стран, побывал в торговых рядах, присмотрелся к тому, как идёт торговля, послушал, о чём говорят люди.

Андрей делал это не из праздного любопытства — так он проникался духом этого места, настроением его жителей. Так ему было легче понять людей, почувствовать их беды, узнать надежды.

Чтобы достучаться до людских сердец их нужно понимать.

К концу дня, когда красный диск солнца коснулся потемневшего, далёкого края моря, Андрей постучал в дверь небольшого, скромного дома, рядом с которым росли два стройных кипариса.

Ему открыла молодая, миловидная женщина, державшая на руках младенца, а рядом с ней, цепко держась за её простое платье, стоял серьёзный черноглазый мальчуган лет трёх-четырёх.

— Мир этому дому, — мягко произнес Андрей.

— И тебе мир, путник, — негромко отозвалась женщина, её голос был спокойным и нежным.

— Не найдётся ли немного места для меня в твоём благословенном доме? Я иду издалека и хотел бы отдохнуть в кругу приятных людей.

Женщина смотрела на путника. Перед ней в дорожной, запylённой одежде, опираясь на яблоневый посох, стоял красивый, высокий, широкоплечий мужчина, с вьющимися тёмными волосами, в которых кое-где мелькала седина, с ясными, мудрыми глазами, над головой которого, как ей показалось в густых вечерних сумерках, мерцал свет — будто последний луч уходящего солнца ласково задержался на его макушке. От этого человека веяло миром и покоем.

Женщина немного отступила назад и шире открыла дверь.

— Входи, путник, в моём доме тебе рады. Правда, у нас не так много места, да и ужин я смогу предложить только скромный. Но отдохнуть ты сможешь в безопасности.

— Благодарю тебя, мне больше ничего и не нужно. Моё имя Андрей, — Первозванный улыбнулся, перешагнул порог, и закрыл за собой дверь.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, КИЕВ,
986 ГОД ПО РХ

Реликий князь русский Владимир Красное Солнышко, прислонившись плечом к резному наличнику, стоял у окна и смотрел на город. Не княжеское дело в окошко смотреть? Ну и ладно...

Его не беспокоило, что кто-то из бояр или воевод застанет его за этим занятием, более подходящим красным девицам. Ага, ещё прялку здесь поставить... Князь представил себе эту картину и невесело усмехнулся своим мыслям...

В последнее время Владимир чувствовал необъяснимую, смутную тоску и не понимал, что с ним происходит. Казалось бы, что может тревожить мужчину в расцвете лет, обладавшего на Руси неограниченной властью, имевшего верных друзей, могучую дружину, красивых жен, хороших детей, богатства?

Много сил, времени и крови он положил на то, чтобы Русь укрепилась, сплотилась и защитила свои границы. Он делал это так же, как его отец, как дед...

Уже позади были успешные походы на вятичей, радимичей, уже отвоевал Владимир у поляков Червенские города, уже русские войска ходили на Литву, хорватов и ятвягов. Уже был заложен Белгород, укрепился Переяславль, а русские богатырские заставы уходили на юг всё дальше, высматривая степняков. По приказу Владимира возводились надёжные оборонительные рубежи с крепостями, валами и сигнальными вышками: печенегι уже не могли неожиданно нарушить границ Руси — жители русских городов и сёл смогли вздохнуть спокойно.

Владимир смотрел на Киев — и этот русский город, как вся Русская земля, укреплялся, разрастался, становился краше, многолюднее. Всё хорошо... Ведь хорошо?

Всё хорошо?

Нет, не всё... Города растут, укрепляются, богатеют — хорошо. Города становятся государствами внутри государства, думая только о своих собственных выгодах, не думая об общем благе, нарушая единство Руси — не хорошо... И ему приходилось вновь собирать Русскую землю воедино. Иногда на это уходили годы...

Но только ли в этом была причина его тоски?

Владимир, пытаясь понять, что его тревожит, вспоминал прошедшие годы...

Кровопролитные схватки, смерть братьев, бегство с родной земли в чужие пределы ради спасе-

ния, возвращение на родину, снова битвы, Полоцк, ещё смерти, Киев, ещё битвы, ещё смерти...

Князь нахмурился: его жизненный путь мало чем отличался от жизни любого князя, любого правителя. Нужно было силой доказывать своё право, иначе, его доказал бы кто-то другой. Хоть бы его сватовство к Рогнеде...

Нрав Владимира всегда был горячим, а то, что Рогнеда оскорбила его отказом, когда он к ней сватался, и оскорбила смертельно — вызвало волну яростного гнева.

Князь нахмурился сильнее: как она тогда сказала? «Не хочу разуть сына рабыни...». Владимир заскрипел зубами от этого воспоминания — столько времени прошло, а боль осталась.

Высокородная Рогнеда попрекнула его, прямо указав на его происхождение — сына наложницы, унизив его мать Малушу, его дядю Добрыню и его самого. Сам Владимир для неё не имел значения. Главное — род. Вот и поплатилась Рогнеда за высокомерие, и поплатилась вся её семья. Спасло ли их высокородное происхождение? Нет. А он — сын князя и наложницы — стал великим князем Руси. И Рогнеда родила ему сыновей...

Владимир вздохнул и снова засмотрелся в окно: люди снуют туда-сюда, каждый занят своим делом... Что им до неясной тоски великого князя... Расскажи кому — так ведь не поймут.

Что сделать? Как развеяться?

Пир созвать? Сколько их уже было! Князь любил широко — с боярами, с дружиной, с народом — праздновать победы над печенегами. Сейчас было мирно.

Хотя... не только ведь победы воинские праздновать можно: вот князь Руслан давно уже ответа ждёт — сватался к Людмиле, дочери младшей.

Владимир отошёл от окна и хлопнул в ладоши. Через мгновение в зал вошёл слуга, поклонился князю и замер, ожидая приказаний.

— Позови ко мне дочь мою, княжну Людмилу, — распорядился князь.

Слуга ещё раз поклонился и вышел, спеша выполнить его распоряжение.

Вскоре в коридоре слышался смех и торопливые шаги, дверь открылась и в зал вошла Людмила. Княжна подошла к отцу, обняла его одной рукой — другой она прижимала к себе маленького пушистого котёнка, который всё пытался зацепить лапкой её бусы — и звонко чмокнула князя в щёку.

— Здравствуй, батюшка, — Людмила радостно смотрела отцу в глаза. — Вот, посмотри, кого мне князь Руслан прислал, — и княжна сунула в руки великому князю русскому Владимиру Красное Солнышко притихшего котёнка.

Владимир улыбнулся дочери. Из всех его детей только у младшей Людмилы остались привычки детства — она всегда ластилась к отцу, рассказывала ему о своей детской, а потом и о взрослой

жизни, любила с ним посидеть в редкие минуты тишины, поговорить — и когда была маленькой девочкой, и когда стала взрослой.

Сейчас великий князь... стоял посреди просторного зала, стены которого были украшены оружием, в котором проводились советы и принимались решения о военных походах, велись переговоры с иноземными послами, держа в руках пушистого котёнка, который постепенно освоился и пытался зубишками оторвать с княжеского кафтана приглянувшийся рубин... и радовался тому, что его дочь была такой, какая она есть.

Из маленькой смешливой девочки Людмила превратилась в девушку среднего роста, тоненькую, с русой косой до пояса и васильковыми, всегда улыбающимися глазами. Князь любил её смех, звенящий, словно серебряный колокольчик, лёгкую походку, и ласковое сердце. И не он один.

Людмилу любили все: родные, подруги, слуги, народ. И она отвечала им всем любовью. В трудные дни, если в городе где-то случалось несчастье, Людмила помогала страдальцам: больным, погорельцам, сиротам, семьям, оставшимся без кормильцев.

Владимир смотрел на неё сейчас и думал о том, как быстро летит время — вот его маленькая дочка выросла, и скоро уйдёт в другой дом. Если захочет. Неволить, выдавать замуж за нелюбимого из-за выгоды или интересов государственных — он не станет.

Котёнок не смог оторвать так завлекательно блестящий на солнце драгоценный камень и с досады укусил князя за палец. Владимир очнулся от своих мыслей, посмотрел нахальному «пушку» в невинные зелёные глаза, укоризненно покачал головой: мол, «не успел в дом попасть, а уже škодить начинаешь — нехорошо» и с улыбкой вернул котёнка дочери.

— Посиди со мной, Людмилушка, — князь усадил дочь на резную скамью и сам присел рядом. — Поговорить с тобой хочу. — Владимир сделал «значительную» паузу. — Серьёзно.

— Да? О чём? — Людмила приготовилась внимательно слушать отца, уложила котёнка на колени и стала почесывать за ухом, через несколько мгновений он спокойно заснул на её расшитом лазоревыми цветами сарафане.

— Значит, князь Руслан тебе подарки шлёт? — Владимир проговорил эти слова нарочито серьёзным тоном.

— Шлёт, батюшка, шлёт, — тихонько прыснула от смеха Людмила. — Вот, ты сам видел — знатный подарок, — она показала глазами на котенка. — Как он тебя зубищами-то своими громадными ку-санул — подрастёт, будет страшным сторожевым котищем! — и она снова тихонько захихикала.

Владимир и сам негромко рассмеялся — вот выросла, невестой стала, а всё радуется, как дитя, любому пустяку. Ей этот маленький, тёплый

несмышлёныш дороже камней самоцветных. Может — это и правильно? Что эти камни? Если нет тепла...

— О чём поговорить ты хотел со мной, батюшка? — Людмила видела, что отец задумался о чём-то серьёзном и сама начала волноваться.

— О князе Руслане, — вынырнул из мыслей князь. — Люб он тебе? Знаешь ведь, что сватов присылал. — Владимир заглянул в лицо дочери, в мгновение зардевшейся и потупившей взор. — Так что, пойдёшь за него? Или... нет? — спросил он с тайной надеждой.

— Пойду... — тихо ответила Людмила.

Зыбкая надежда князя улетела вместе с дуновением летнего ветерка. Вот его Людмилушка и уходит от него. Кто же будет с ним беседы вести, в щёку целовать, сторожевых котят приносить...

— Люб тебе Руслан? — наклонившись к дочери, переспросил он.

— Люб... — Людмила ответила ещё тише и зарделась ещё ярче.

— Будем свадьбу играть, пир созывать? — ещё ближе к дочке наклонился князь.

— Будем... — только по движению девичьих губ и понял князь.

— Ну, что ж... Так и решим. — Владимир обнял дочку за плечи, прижался щекой к её тёплой макушке, и закрыл глаза. — Так и решим. Только спешить не будем.

— И прикажи для свадебного пира лебедей не готовить. Не хочу я их смерти: только одну пару лебедь себе на всю жизнь выбирает, только одну лебедицу и любит...

— Прикажу. И ещё я Руслану прикажу, чтобы ты была одна у него жена...

— А я, батюшка, и так буду у него одна, любимая, единственная, — уверенно сказала Людмила, улыбнулась отцу, подхватила котёнка и вышла из покоев.

Когда Людмила ушла тоска снова навалилась на князя.

Ему необходимо с кем-то посоветоваться...

С кем?

Кому он может доверить свои мысли сокровенные?

Братьям — богатырям! Троице богатырской!

Им он расскажет о своей тоске — может, вместе смогут они понять, что происходит с ним в последнее время. Богатыри сейчас на разных границах Русской земли — охраняют от врагов её покой. Да ведь им тоже роздых нужен, немедленно их в Киев нужно позвать.

Что ещё?..

Нужно к капищу Богов сходить, попросить помощи...

Снова Владимир вернулся мыслями в прошлое. Когда стал он великим князем русским, то воздвиг в Киеве капище с деревянными идолами шести

главных богов — Перуна с серебряной головой и золотыми усами, Хорса, Даждьбога, Стрибога, Семаргла и Мокоши. Ему казалось, что за своё возвышение и победы он должен выказать им уважение и благодарность. Главным Владимир считал Перуна — бога, метавшего молнии, покровителя дружины, помощника в военных делах. Многим русичам, особенно воинам, нравился этот бог. Владимир понимал это — ведь много времени он и его дружина проводили в сражениях.

Вот только одно тяготило его душу — много крови было пролито в битвах, много жизней загублено, высокая это плата за победы...

Да и жрецы и бояре слишком усердствовали, желая задобрить богов. Несколько лет назад, когда была одержана победа над ятвягами, решили старцы и бояре бросить жребий и принести Перуну кровавую жертву.

И пал тот жребий на Иоанна, сына варяга Феодора, христианина, выходца из земли греческой. Когда же пришли к нему за сыном, сказал Феодор: «Не боги это, а дерево: нынче есть, а завтра сгниёт; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны руками из дерева. Бог же один, Ему служат греки и поклоняются; сотворил Он небо, и землю, и звёзды, и луну, и солнце, и человека и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам».

Ушли посланцы, рассказали об этом людям, и пришла ко двору варяга толпа, и разгромила его. Варяг же стоял на сених с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесём его богам». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?». И кликнули пришедшие помощь, и подсекли под ними сени, и так их убили.

Тогда рассказ об этом потряс Владимира: мужество, с которым варяг Феодор и его сын Иоанн противостояли разъярённой толпе, могло быть явлено лишь при защите правого дела.

Неужели богам нужна человеческая кровь? Зачем? Неужели за свою помощь Перуну так необходимы человеческие жертвы, приносимые на капище? Сколько погибших в войнах междоусобных, в битвах с печенегами, с врагами Русской земли! И всех их можно считать жертвами кровавыми...

Владимир тогда впервые задумался об этом. Но долго размышлять ему в то время было некогда: много забот у великого князя — нужно было подумать об укреплении границ Русской земли, о защите от врагов, о развитии торговли и процветании, о...

Много, очень много забот...

ВИЗАНТИЯ, ХЕРСОНЕС, 65 ГОД ПО РХ

Солнце клонилось к закату. Волны всё также мерно накатывали на берег, стирая с него усталость жаркого дня.

В самом центре Херсонеса на главной улице стоял дом знатного горожанина. В определённый день с разных сторон к нему подходили люди и стучали в дверь особым образом. Им открывал двери хозяин дома, приглашал войти и провожал к скрытому в полу потайному ходу: несколько каменных ступеней и деревянная лестница, поддерживаемая каменным столбом, вели в тайное подземное убежище. Здесь собирались те, кто хотел услышать Слово Божие — это был тайный Храм первых христиан.

Андрей сидел на небольшом возвышении, свой яблоневый посох он прислонил к стене, котомку положил рядом.

Он внимательным, спокойным, доброжелательным взглядом обвёл пришедших и радушно им

улыбнулся. Апостол заметил, что сегодня пришло немного больше людей, чем в прошлый раз, и это наполнило его сердце тихой радостью. Пусть их сейчас только несколько человек — тех, кто пришёл послушать и воспринять Слово Божие, Андрей был уверен, что постепенно Херсонес станет христианским — через Любовь...

Последней в помещение спустилась молодая женщина, и в нерешительности остановилась на последней ступеньке. Мужчины смотрели на неё с недоумением и долей осуждения. Что делает здесь женщина? Её место у домашнего очага...

— Проходи, Татьяна, мы рады тебе, — обратился к ней Андрей — к хозяйке дома, в котором он остановился тем летним вечером несколько недель назад, в котором его не побоялись принять, и дали кров, пищу и отдых. — Мы рады всем, кто хочет обрести мир, любовь и свет... Я расскажу вам сегодня о жёнах-мироносицах...

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, КИЕВ, 987 ГОД ПО РХ

Р заботах и тревогах время быстро летит...
А тоска в груди у Владимира всё не затихала.

Крепко задумался князь. Не знал он, какой дорогой пойти, какой путь выбрать. Вспомнил Владимир, как когда-то рассказывал ему Илья Муромец о том, как пришлось ему выбирать путь свой на развилине путей-дорог у Вещего камня: «Направо пойдёшь — коня потеряешь, себя спасёшь; налево пойдёшь — себя потеряешь, коня спасёшь; прямо пойдёшь — и себя и коня потеряешь»...

Трудный выбор... Но русские витязи не страшась делали его — и выходили победителями...

И решил князь все дела отложить и совет созвать, с теми, кому он доверял также, как себе. И послал он гонцов на три стороны света: звал он к себе друзей своих — сотоварищей, что границы Земли родной охраняли, защищали от врага да от нечисти разной.

Долго ли, коротко ли, задрожала земля под поступью коней богатырских, и въехали на княжеский двор три витязя славных — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович.

Обрадовался князь их приезду, встретил, обнял, расцеловал, повёл в палаты княжеские, напоил, накормил, и речь завёл, о том, что его тревожило, что радости днём лишало, а ночью покоя.

— Тоскую я, други мои дорогие, и не понимаю — отчего. Вроде бы ведь всё у меня есть — я княжу на Руси, власть моя велика, есть у меня друзья-богатыри, войско сильное, богатств не счесть, жёны-красавицы, дети хорошие. Да вот душе моей покоя нет, нет ей мира и утешения. Места себе не нахожу. Что это со мной? Что не так? Как душу мою успокоить?

Задумались братья-богатыри.

Слово взял Илья Муромец, как старший побратим среди них.

— Не могу тебе ответить, княже, не знаю, чем душу твою успокоить. Но могу рассказать тебе о том, что тревожит меня.

Приснился мне сон страшный. Такой страшный, что я от крика своего проснулся.

А снилось мне вот что.

Будто сплю я в шатре своём. Конь мой Бурка, вдруг заржал тревожно. Сам я ничего не услышал, но своему коню я верю — попусту тревожить не будет. Взял я меч, вышел из шатра: ночь летняя,

звёзды сияют, красота, травами пахнет, сверчки поют... тишина... хорошо на сердце...

Вдохнул я полной грудью свежий воздух ночной, закрыл глаза, этим покоем наслаждаясь... Да только мой Бурка снова заржал да копытом стукнул...

Открыл я глаза — и вовремя: два татя в ночи ползущие, набросились на меня — хотели в спину мне ударить, исподтишка, подло. Хорошо, что я с мечом вышел. И завязался бой — не на жизнь, а на смерть.

Бились мы долго, вслепую, в тишине ночной, только мечи наши звенели.

Порубил я их — этих татей.... И упали они мёртвыми к моим ногам.

Но и меня они крепко порубили.

Опустился я на Землю-матушку, ко мне Бурка подошёл, лег на землю рядом со мной. Обнял я своего верного коня, привалился к нему, чувствую — силы меня покидают.

А тут и солнце взошло.

И увидел я, что у ног моих, порубленные мечом моим булатным, лежат братья мои — Добрыня Никитич и Алёша Попович.

Братья мои — напавшие на меня ночью, словно тати.

Сердце моё от горя разорвалось. И я умер от этой скорби.

А в самый последний миг перед смертью увидел я, как кровь заливает всю Русскую землю, как

покрывают её наши враги, словно саранча покрывает поле, и как чёрным заревом запылела вся Русь-Матушка. И закричал я во сне от этого горя нестерпимого, и от крика своего проснулся.

Вот такой сон страшный мне приснился, княже. И с той ночи не могу я найти покоя. Знаю я, что братья мои никогда не сделают мне худа, никогда меня не предадут. Вот только, что значит этот сон — ума не приложу.

— И мне такой сон приснился, — сказал Добрыня.

— И мне, — тихим эхом отозвался Алёша.

«И мне...» — подумал Владимир.

Богатыри молчали. Молчал и князь.

— Думаю, братья, что это знак был. Слишком много крови, слишком много смертей, предательства, страха, ненависти... Нельзя брату на брата меч поднимать. Нельзя позволять гибель сородичей в войнах междоусобных. Нельзя кровью родной свою родную землю заливать. Не правое это дело, — высказал свои мысли Илья.

— Да, Илья, брате мой, — отозвался Владимир. — Не правое. Не можем мы допустить, что бы светлая Русская земля в крови русской захлебнулась. Дети наши, наши внуки этого не простят нам никогда. Да и не будет их тогда — детей и внуков наших: будут они чьими-то рабами. Если внутри Руси не будет мира — быстро её по клочкам раздерут враги наши. Только в единстве наша сила.

— Обратись к богам за помощью, — тихо сказал Илья.

— Уже обращался. Не помогают они. А жертву кровавую я приносить не хочу. И так уже войны междоусобные сколько жизней забрали, сколько слёз матери пролили по детям своим, жёны по мужьям! Не будет на такой земле счастья, не будет радости, пока брат на брата идет, пока мы кровь своих сородичей проливаем, пока боги требуют кровавых жертв, а жребий решает — кому жить, кому умереть. Не правое это дело...

— Ты не веришь больше Перуну? — задал вопрос Илья Муромец, но все три богатыря неотрывно смотрели на Владимира.

— Нет. Я признаю, что он великий и сильный бог. Но он — воин, его жатва — на поле битвы. И не делает он разницы между своими и чужими. Жертв кровавых, человеческих больше не будет ему. Я хочу, чтобы Русская земля крепла, чтобы все роды-племени, что живут на Руси, жили в мире. И чтобы всем миром становились мы стеной на пути врагов наших, но не воевали между собой.

— Что думаешь делать, княже?

— Пока не решил...

— Решай. Супостаты только и ждут когда между братьями вспыхнет вражда, тогда легче им будет захватить Русь. Нам чужого не нужно, но и свою землю родную мы не отдадим...

На мгновение князю показалось, что откуда-то издалека до него донеслось: «чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим»...

«Какие хорошие, правильные слова», — подумал он.

— Вы, три моих любимых названных брата, три друга моих, со мной ли вы будете? — помолчав, спросил он богатырей.

— Да, брат, наша троица всегда будет с тобой.

Три могучие руки протянулись к Владимиру, и скрепил он это богатырское рукопожатие своей рукой. Впервые за долгое время на сердце Владимира посветлело, и открыл он богатырям то, над чем давно уже размышлял.

— Волнуется Русь, братья. И этому причиной не только набег вражеские, но и разные веры, разные боги, обычаи. Плохо это для Руси — не нужны нам споры, не нужны нам ссоры, нужен нам мир и согласие. Нужен нам один бог. Вот только какую веру принять? Поменять веру — трудное дело. Нужен нам такой бог, чтобы народ наш принял его.

Прошу я вас о важном и тайном деле. Прибыли к нам три гостя иноземных: один из волжских болгар, другой — из немцев, Папа Римский его послал, третий — из иудеев хазарских. Знаю, зачем они прибыли: каждый из них желает, чтобы Русь в их веру обратилась. Вот только хочу я, прежде чем решение принять — понять, какая вера станет

для нашего народа родной. Без этого — решения не приму.

Потому и прошу вас, братья, Илья, Добрыня, Алёша — отправляйтесь вы в эти земли на три стороны света, посмотрите, какие это веры, каковы их боги, как там люди живут, и с вестями возвращайтесь домой. Потом и подумаем, что нам делать дальше.

Князь проводил братьев-богатырей на подворье, поклонился им в пояс.

— В добрый путь, возвращайтесь поскорее с хорошими вестями!

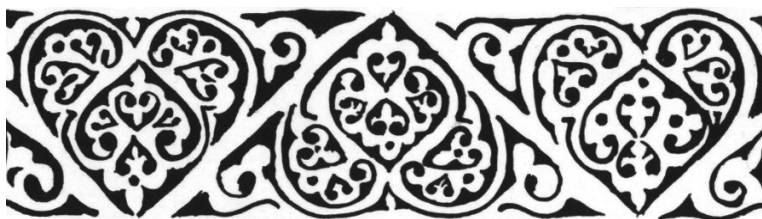
Поклонились богатыри князю в ответ, сели на коней своих, выехали со двора княжеского, на мгновение остановились, попрощались — и разъехались в разные стороны.

И полетели кони, понесли богатырей русских на три стороны света. Ложатся под их копыта вёрсты, мелькают под ними чистые поля и дремучие леса, проплывают реки широкие и остаются позади горы высокие: Бурка, Сивка и Каурка несут побратимов за дальние дали, торопятся.

Важное дело предстоит богатырям, спешат они поручение великого князя русского выполнить, хотят, чтобы на Руси благоденствие наступило, и сердце князя возрадовалось. Только вот скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается...

...А в Киеве зашумели деревья вокруг капища, дрогнула под ним земля, зашатались кумиры, но устояли. И только у Мокоши по щеке скатилась горячая слеза, оставила выжженный след на идоле деревянном и упала на землю.

И не видел никто, что над капищем, высоко в небе, заслоняя солнце, распластал свои чёрные крылья Змей Горыныч...

**ВИЗАНТИЯ,
КОНСТАНТИНОПОЛЬ,
987 ГОД ПО РХ**

— Ты ведь понимаешь, брат, что нам не выстоять самим... Наши усилия ничего не дали, — император Византийский Василий II горестно вздохнул и его венценосная голова поникла.

— Не дали... — эхом отозвался его брат и соправитель Константин VIII.

— Нас теснят отовсюду! С самого первого дня правления нас теснят! Нам нужна помощь! — Василий метался по просторному залу. — Нужна помощь... Легко сказать... Но к кому обратиться? Кому можно доверять?

Константин следил за взволнованным братом печальными глазами — он редко видел его таким... таким... растерянным? Да... растерянным... И это угнетало Константина сильнее всего. Что будет, если Василий не сможет взять себя в руки, и рассудительное состояние духа к нему не вернётся? Что тогда?

Василий — голубоглазый, приятной наружности, хоть и невысокого роста, был хорошо сложенным, сильным, выносливым человеком, прекрасно владел оружием и ездил верхом. И характер его был твёрдым, иногда эта твердость даже переходила в свирепость. За эту свирепость его прозвали Болгаробойцей.

«Хотя чему тут удивляться?» — подумал Константин.

Возможно, Василий и мог стать более мягким человеком, но...

В год восшествия на престол Василию II было всего восемнадцать лет. Первым восстал против него военачальник Варда Склир и быстро подчинил себе все азиатские фемы. Василий послал против него другого Варду — Фоку и этот талантливый военачальник в 978 году усмирил мятежника Склира, и тот бежал к арабам.

Это было девять лет назад. Константин задумчиво покачал головой в ответ на свои мысли. Кто бы мог подумать — уже прошло девять лет!

Когда-то могучий Варда Склир сейчас был стариком, но вот сила его духа не уменьшилась: он вернулся и объявился вновь в пределах византийской империи.

Выступив со своими отрядами против Варды Склира, военачальник Варда Фока в августе 987 года неожиданно для пославших его василевсов, провозгласил себя императором, захватил Склира

в плен и, соединив оба войска в одно, захватил Антиохию.

Предатель.

Теперь же мятежники осадили стены Хрисополя, отделявшего Босфорский пролив от Константинополя — они были уже на пороге столицы империи.

Казна пустела.

Что делать?

Тихими шагами в зал вошла порфирородная принцесса Анна.

— Приветствую вас, братья мои, — её голос негромкой мелодией пролетел по залу.

Василий и Константин одновременно повернулись к ней, словно очнувшись от своих мыслей, окинули задумчивыми взглядами её статную тонкую фигуру и нежное лицо, переглянулись и снова погрузились в размышления.

Анна видела, что её венценосные братья не расположены к беседе, несколько мгновений постояла, надеясь, что на неё всё же обратят внимание, а затем вышла из зала.

— Знаешь ли ты, что к великому князю русскому Владимиру прибыли три посла, желающих привести Русь к своей вере? — нарушил тишину Василий.

— Да, мне это известно. Русь — варварская страна язычников, страна тавро-скифов... — отозвался Константин.

— Брат, Русская земля огромна, богата, с сильным войском...

— Русская земля огромна, богата, с сильным войском... — эхом повторил слова брата Константин. — Наш долг приводить язычников в истинную веру...

— Направим Владимиру письмо. Пусть он поможет разбить наших врагов...

— А мы за это облагодетельствуем Русь, приведя эту варварскую страну ко Христу... Какие богатые дары за это привезет нам Владимир — ведь Русь огромна, богата!..

— Наша казна пустеет...

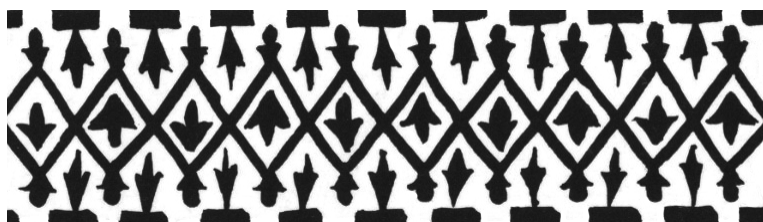
— А если подойти к этому с умом, то можно только представить, сколько богатств мы сможем получить за то, что милостиво поведем Русь по пути спасения...

— И будем владычествовать над ней...

— Над её землями, богатствами...

Братья переглянулись — они понимали друг друга с полуслова.

За колонной, никем не замеченный, стоял Андрей Первозванный и с горечью в сердце слушал братьев-императоров.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, КИЕВ, 987 ГОД ПО РХ

Ему хотелось прийти, упасть на колени и спрятать лицо в женских, теплых, родных, любимых ладонях.

Но к какой женщине он мог прийти за утешением?

Владимир не тешил себя напрасными надеждами: он знал, что Рогнеда его не любила, да и другие жёны тоже. Хоть уже и дети родились... Хорошие дети... А не любили его ни жёны, ни наложницы... Да и он не испытывал к своим женщинам любовных чувств...

Пусто было в его сердце. Пусто и холодно...

Тихо открылась дверь, вошёл слуга.

— Великий князь, к тебе гости иноземные.

— Пусть войдут.

Вот они вошли, поклонились и встали перед ним — Фарлаф, Рогдай, Ратмир — три посланца разных земель, народов, вероисповеданий, три таких разных человека...

А цель у них — одна.

— Чего же вы хотите от меня, гости мои дорогие? — Князь знал ответ на свой вопрос, но хотел его услышать высказанным вслух от этих таких разных людей, у которых была одна цель.

— Обратить Русь в истинную веру...

— Обратить Русь в истинную веру...

— Обратить Русь в истинную веру...

Три одинаковых ответа прозвучали одновременно.

Вот только великий князь русский Владимир Красное Солнышко понимал, что не в этом их цель. Велика Русь, богата, сильна...

И ещё тяжелее стало у него на сердце.

Легкий порыв свежего морского ветра коснулся щеки Владимира. Князь повернулся посмотреть — откуда здесь повеяло морем?

Перед ним стоял высокий ясноглазый мужчина, в длинной, ниспадающей одежде, с яблоневым посохом в руке.

— Кто ты? — удивился князь. — Как ты вошёл и что тебе нужно?

— Меня зовут Андрей, — мягкий, но звучный голос незнакомца эхом прокатился по залу. — Я пришёл к тебе из Херсонеса, города Византийского. Чего хочу? Хочу дать мир твоей душе.

У князя дрогнуло сердце.

Откуда этот путник знает о его тревоге?

Владимир взгляделся в глаза Андрея и увидел в них только свет, мир и любовь.

— Как же ты можешь это сделать? — Князь сам того не замечая затаил дыхание.

Вот сейчас... сейчас... Что скажет ему этот человек с ясными глазами, мягким голосом, смуглой кожей, словно опалённой горячим южным солнцем, принесший с собой в княжеские палаты запах моря?

Как?

Как он сможет это делать — дать мир его душе?

— Через любовь...

Владимир Красное Солнышко улыбнулся этому чудесно появившемуся путнику — его сердце начало согреваться. Князь повернулся к гостям иноземным — те удивленно смотрели на него.

— О делах серьёзных негоже на ходу говорить: они размышлений требуют. Прошу вас, гости дорогие, погостить у меня. Погостите, расскажите мне о верах своих, о том, как ваши боги относятся к народам своим, об обычаях, о том, как люди живут в ваших землях. Только вот занят я сейчас: готовлю пир свадебный — выдаю дочь свою Людмилу за князя Руслана. После поговорим.

Рогдай, Фарлаф и Ратмир поклонились ему, молча вышли из зала, отошли от закрывшейся двери и остановились.

— Что это было? — Ратмир высказал вслух то, о чем размышляли все они. — Князь так сильно задумался, что забыл о нашем присутствии? О чем же он задумался так глубоко?

Фарлаф и Рогдай пожали плечами. Они ещё не-много постояли вместе и молча разошлись.

Шли дни...

Князь сидел на скамье у окна в одиночестве — он ждал. Ждал своих братьев-богатырей, ждал вестей от них — казалось, он ничего ещё так не ждал в своей жизни.

На мгновение тень закрыла солнце — словно тучка набежала — и снова стало светло. Земля дрогнула, и Владимир услышал звук, от которого ему сразу стало легче: поступь коней богатырских. А уж как ступают Бурка, Сивка и Каурка знал каждый человек на Руси.

В горницу тихо вошёл слуга.

— Великий князь...

— Да, знаю! Други мои вернулись! — не дал договорить ему Владимир, спеша навстречу богатырям.

Он выбежал на подворье, где спешившись, обнялись Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович и четвертым обнял их. Отпустив братские объятия, они поднялись в палаты, куда князь приказал принести еды и питья, а тем временем слуги и баньку затопили. Богатыри, утолив голод и помывшись, стали рассказывать Владимиру о том, что увидели.

— Был я в земле волжских булгар, где люди исповедовать стали веру мусульманскую, — начал Илья. — Много мудрого в себе таит ислам, многое позволяет, но многое и запрещает. Нет веселия

там, не поют песен, вина не пьют. Нет, не легло у меня сердце к их вере.

— В земле немецкой вера латинская, храмы богатые, да только не дышится там вольно, обряды душу не согревают, не приносят успокоения и радости, — поведал Добрыня. — Да и знаю я о том, что ещё к бабке твоей, княгине Ольге, приходил епископ из тех земель, но изгнан был.

— Земли хазарских иудеев не смог я найти, — горестно вздохнул Алёша Попович. — Нет у них земли единой, рассеял их Бог по разным землям. Так и живут они врозь.

Задумался князь. Не раз уж за это время беседовал он с гостями иноземными: рассказывали они ему о верах своих. И сошлись мысли князя и побратимов его: не легла у него душа ни к латинской вере, ни к исламу, и у русского народа не будет душа лежать к этим религиям. А иудейская вера не поможет ему объединить Русь, раз сами они живут врозь, и нет у них земли единой.

В палатах снова повеяло свежим морским ветром. Князь поднял глаза — в зале появился путник из Византии Андрей.

— Почему ты ушёл тогда? Как ты приходишь и уходишь, что я не замечаю этого? — спросил его Владимир. — Почему вернулся?

Богатыри встали и подошли ближе к князю, прикрывая его со всех сторон: ясные глаза незнакомца посылали им мир, он был безоружен, но его

чудесное появление заставило их проявить необходимую осмотрительность.

— Я прихожу — когда нужен, а когда в моем присутствии нет необходимости — ухожу. Видят меня не все. Гости твои иноземные меня не видели — чужие они тебе по духу. А вот твои братья-богатыри видят меня — неразрывна ваша связь братская, родные вы друг другу, и троица их верой и правдой служит родной земле, ради неё жизни свои не пожалеют богатыри твои славные.

Вижу, что задумался ты крепко, князь, вижу, что надежды твои не оправдались, не знаешь, какой путь выбрать, как в былинах ваших: три дороги ты видишь перед собой, и ни одну ты выбрать не можешь. Но как вас четыре побратима, так есть и четвертая дорога.

Я покажу вам четвертый путь — путь Любви. Смотрите — это храм святой Софии в Константинополе, вы называете его Царьградом...

И в тот же миг Владимир, Илья, Добрыня и Алёша увидели...

...храм красоты сказочной...

...почтительные прихожане со светлыми лицами...

...красивое пение во время богослужений в самую душу проникает...

...иконы в золотых окладах...

...Лики Господа, Богородицы, Святых — светлые, глаза кроткие, понимающие, дающие покой, мир, надежду...

...но и воевать они умеют — вот Михаил Архангел, победивший Сатану, вот Георгий Победоносец — победитель Змея...

...Спаситель умер на кресте за грехи человеческие...

Бог умер за людей?!

Не потребовал Он кровавую жертву во Славу Свою, а Сам умер ради искупления грехов людских?!

Как Отец пережил такое — отправил на смерть лютого своего Сына ради искупления грехов человеческих? Не потребовал жертву ради Славы Своей, ради Сына своего — а в Жертву принес ради людей Сына своего?

Пресвятая Богородица — умилилось и заплакало сердце Владимира, когда он заглянул в её глаза, и почувствовал её скорбь неизбежную и любовь бесконечную... Как только пережила Мать такое горе — на её руках умер Сын, приняв крестную муку за людей...

...А это кто? Что за прихожанка?

Женщина, в простом светлом платье, молившаяся у иконы Пресвятой Богородицы, подняла голову, тонкой рукой поправила свечу, огонёк разгорелся сильнее и Владимир увидел её глаза — тёплые, нежные, такие... родные...

Его сердце сладко замерло. Что это? Что с ним?..

Апостол дал ещё несколько мгновений Владимиру побыть в чудесном храме и «повёл» его и троицу богатырскую дальше.

И увидели они Страшный Суд: и ужаснулись их сердца от того, куда после смерти попадают грешники, и возрадовались от того, куда попадают праведники...

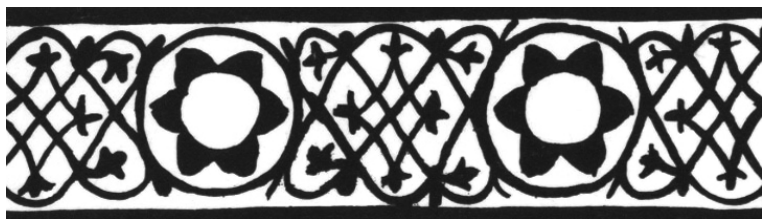
Когда Владимир, Илья, Добрыня и Алёша пришли в себя, их глаза сияли, а в сердцах был мир.

— Благодарю тебя, Андрей, за всё, что ты дал нам узнать. Эта вера мне по душе. Права была бабка моя, княгиня Ольга, — задумчиво проговорил Владимир. — Сама крещение приняла, приближённых крестила и хотела Русь привести ко Христу... Поняла она, что сила — в Любви... Знаю, что уже давно есть христиане на Руси, и в войске моём тоже есть христиане... Да только не захотел отец мой Святослав принять веру христианскую, думал, что дружина его в том не поддержит. А вы что скажете, братья? По душе ли вам вера христианская, греческая, православная? — обратился князь к богатырям.

— По душе... По душе... По душе... — отозвались три друга словно одним голосом.

— И сам крещусь — и дружина моя со мной крестится, — князь был уверен, что его соратники, с которыми прошёл он не одну битву, и не один пир победный пировал, поддержат его.

Душа князя успокоилась и возрадовалась. Он почувствовал, что всё будет хорошо.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, КИЕВ, 987 ГОД ПО РХ

Князь Руслан не мог отвести глаз от Людмилы — в свадебном наряде, расшитом золотыми нитями, украшенном узорами цветов из драгоценных камней, с глазами, сиявшими ярче, чем звёзды летней ночью, его невеста была просто сказочно хороша.

Когда Руслан смотрел на Людмилу, его сердце сладко замирало и таяло — не только от её светлой красоты, а от доброты, которая светила в её глазах, от нежности, с которой, как он знал, девушка относилась ко всем — к людям, животным, птицам, деревьям, цветам... Эта доброта и нежность придавали её красоте такое очарование, что... сердце Руслана сладко замирало и таяло.

Он знал, что Людмила помогает попавшим в беду, знал, сколько времени и заботы она отдаёт всем, кто в ней нуждается, нуждается в её поддержке и помощи. Он и сам нередко ходил вместе с ней по бедным домам, помогал семьям, которые

потеряли кормильцев, погорельцам, болящим, привозил страждущим одежду, покупал домашний скот, приводил лекарей, помогал восстанавливать дома. Он жалел только об одном — что не может чаще этого делать, всегда творить добро вместе с Людмилой.

Руслан видел: как только Людмила входила в дом — там становилось светлее, когда приходила к несчастной семье — люди начинали улыбаться. Она приносила им утешение, облегчение и любовь.

Может, эта доброта и сострадание и делали её красоту такой светлой, сияющей? Может быть.

Руслан вспомнил один случай.

Летним солнечным днём они с Людмилой вышли прогуляться — княжна любила неторопливые пешие прогулки. Они дошли до торговых рядов, и Людмила начала покупать детские вещи и игрушки для семьи, к которой собиралась зайти в скором времени — там родился ребенок.

Вдруг среди обычного гама торгового места, слышался шум, крики, возникла непонятная суматоха, которая постепенно приближалась к ним. Руслан заслонил собой Людмилу, а охрана окружила их с трёх сторон. Через несколько мгновений они увидели странную картину.

Между торговых рядов, время от времени кидаюсь к покупателям, останавливая, пугая и пытаюсь им что-то объяснить, метался человек, похожий

на безумного. Люди шарахались от него в разные стороны: он был огромный, растрёпанный, с дико горящими глазами, неподпоясанный, босой, и — немой. Он что-то пытался сказать, тряс каждого попавшегося ему человека, но его никто не мог понять — то ли от испуга, то ли от нежелания понимать.

Люди старались вырваться, отцепить его от себя, и спешили дальше по своим делам.

Наконец, отчаявшись, безумец остановился, схватился руками за голову, постоял, что-то отчаянно мыча, потом упал на колени и зарыдал. Странно и тяжело было видеть большого, сильного мужчину, бессильно рыдавшего в уличной пыли.

Гомон постепенно затих, люди молча смотрели на него, но никто не решался подойти.

Людмила вышла из-за спины Руслана, и, прежде чем он успел её остановить, подошла к безутешно рыдающему мужчине, опустилась рядом с ним на колени в пыль торгового ряда и обняла его.

— Людмила, что ты делаешь! — Руслан в один прыжок оказался рядом с ней и попытался оттащить. Охрана двинулась за ним.

Людмила одним взглядом остановила их.

Она наклонилась к уже негромко всхлипывавшему человеку и что-то ему сказала. Он поднял голову, посмотрел Людмиле в глаза — его взгляд прояснился, он тихо замычал и куда-то показал рукой. Людмила улыбнулась ему и кивнула. Муж-

чина встал, помог подняться Людмиле и пошёл, время от времени оглядываясь на неё, как собака, которая хочет куда-то привести.

Руслан одним движением, мягко, но решительно задвинул девушку к себе за спину, охрана снова их окружила, и они пошли за своим странным поводом. Человек привел их в небольшой, уютный дом. Там на постели лежала молодая женщина. Она редко дышала и негромко стонала, простыни под ней промокли от крови.

Немой подошёл к ней, осторожно взял за руку, женщина открыла глаза и попыталась улыбнуться, но дёрнулась от приступа боли, побледнела ещё больше и снова застонала.

Людмила повернулась к Руслану и охране.

— Выйдите все отсюда, и приведите сюда тетку Глафиру. Пусть принесёт свои травы лечебные. Нужно кровь остановить, а потом помочь этой женщине выздороветь. Идите уже, да побыстрее! Не видите — рожает она, и родить не может!

Охрана не двигалась с места. Людмила от нетерпения топнула ногой.

— Кому говорю!

— Я здесь останусь, ты, Демьян, тоже останешься здесь, охраняй вход. Ты, Степан, иди за знахаркой, а ты, Митрофан, принеси одежды, простыней, хлеба, мяса, фруктов, вина красного. Дело это наше, больше никому знать не надобно. Всем всё ясно? — Руслан отдал распоряжения и посмотрел на охранников.

— Ясно.

Воины всё понимали правильно, Руслан был уверен, что его приказы будут выполнены точно и быстро.

Трое мужчин вышли.

— Вот и хорошо, — снова заговорила Людмила. — А ты принеси мне тёплой воды и полотенце побольше, — сказала она немому.

Тот закивал и вышел из комнаты, Руслан и Людмила остались в комнате одни. Людмила положила одну руку женщине на голову, другую — на живот: через несколько мгновений дыхание роженицы стало более ровным и спокойным, она задремала.

— Ты напугала меня, прошу, больше не подходи к незнакомым людям, — Руслан встал с другой стороны постели: всё это время ему хотелось схватить Людмилу в охапку, прижать к себе покрепче и вернуть за укрытие стен княжеского дворца — лишь бы она была в безопасности.

— Ты мне не отец, не муж, — Людмила нарочито строго посмотрела на Руслана. — Не тебе мне приказывать.

— Я прошу, Людмила, не рискуй собой. — Голос Руслана охрип от волнения, он откашлялся и продолжил. — Ну зачем ты подошла к этому человеку? Без меня, без охраны... А если бы он тебя ударил, поранил, или ещё чего хуже?

— Зачем? Ему ведь помощь был нужна, а его никто слушать не захотел. Ты только подумай,

князь, чтобы произошло, если бы и мы мимо него прошли? Представь только, чтобы ты сделал, если бы такая беда приключилась с твоей сестрой, женой?..

— Замолчи! — Руслан на мгновение представил, что вот так лежит его любимая Людмила, истекает кровью, пытаюсь родить его ребенка, и — не может, и — умирает... Его сердце чуть не разорвалось от страдания, Руслан не смог терпеть этой боли. — Замолчи! Даже не думай об этом!

— Ну вот, — улыбнулась Людмила, — а ты говоришь — мимо пройди...

— Я не говорил «мимо пройди», я сказал «без меня не подходи»...

— Ах, «без тебя»... — лукаво улыбнулась Людмила.

В комнату вошёл немой, он принес два ведра воды, полотенца, и остановился у кровати, выжидательно глядя на Людмилу.

— Всё, теперь выйдите отсюда. Когда придет тетка Глафира — приведите её ко мне. — Людмила повернулась к роженице и сразу забыла о двух мужчинах, с тревогой и надеждой смотревших на неё.

Руслан и немой вышли. Людмила наклонилась к женщине и что-то зашептала, а руками стала мягко поглаживать ей живот. Женщина глубоко вздохнула, её лицо разгладилось, она открыла глаза и улыбнулась княжне.

Мужчины за закрытой дверью прислушивались к каждому шороху, к каждому скрипу. Руслан сидел на лавке рядом с дверью, немой ходил из угла в угол. Сколько прошло времени? Они не считали, они ждали.

Когда раздался длинный женский крик и через мгновение — крик родившегося ребенка, немой замер посреди комнаты, потом медленно подошёл к двери, осторожно её открыл и перешагнул порог. Уставшая Людмила держала на руках только что родившегося ребёнка, вымытого и завернутого в чистое льняное полотенце.

— Можешь подойти, — сказала она немому.

Мужчина сделал несколько шагов, осторожно приблизился к ней, заглянул новорожденному в личико, улыбнулся ему, потом подошёл к кровати, опустился на колени и прижался лбом к руке жены...

Почему Руслан вспомнил сейчас, в разгар свадебного пира, этот случай? Он и сам не знал. Они тогда ничего не рассказали великому князю Владимиру — иначе Людмила уже никогда не вышла бы за порог княжеских палат. Потом они навещали немого и его жену. Оказалось, женщину звали Ведана, а ее мужа — Яр. Он был когда-то воином в княжеском войске, но во время битвы его очень сильно ударили щитом по голове — и он перестал говорить. Ведана верила, что со временем это пройдёт. Его немота не мешала им быть счастли-

выми, а теперь, когда у них появился ребенок — их солнце засияло ещё ярче...

Руслан так глубоко задумался, что не заметил, как пристально рассматривают Людмилу гости иноземные — Рогдай, Фарлаф и Ратмир. А размышляли они тогда о том, что на их глазах прекрасная — прекрасная во всех отношениях — возможность повлиять на Владимира Красное Солнышко, заставить его принять их веру, ускользала: Людмила выходила замуж и становилась недосягаема для их государей...

Пир продолжался...

Внезапно светлый день померк, словно огромная туча закрыла солнце, повеяло холодом и смрадом. Весь пиршественный зал застыл: люди погрузились в сон, все замерли там, где он их застиг. Только Руслан сохранил ясный рассудок: он видел всё, что происходило, но не мог пошевелиться.

Дыша огнём и дымом, сметая всё на своем пути, опрокидывая столы с яствами, лавки, людей, в пиршественный зал влетел Змей Горыныч.

Он схватил Людмилу, ринулся вверх, пробил расписной потолок княжеских палат и, унося в когтистых лапах потерявшую сознание княжну, скрылся из глаз.

Постепенно люди пришли в себя. Владимир протёр глаза и повернулся к дочери — но место счастливой невесты пустовало.

— Что произошло?! — вскричал Владимир и бросился туда, где только что сидела его дочь.

— Змей Горыныч похитил Людмилу, — на ходу отозвался Руслан. — Я еду за ней.

Он кликнул слуг, приказал принести оружие и подвести коня к крыльцу княжеского дворца.

— Нечисть совсем распоясалась! — Владимир стукнул кулаком по столу. — Седлайте коней! Едем за Людмилой!

— Нет, великий князь, это моя забота, — остановился Руслан. — Людмила — моя, я и должен ехать за ней. А ты здесь оставайся, благоденствие всей Руси от тебя зависит — ты должен править. А Людмилу я вызволю.

Поднялись со своих мест гости иноземные.

— Верно говорит князь Руслан. Тебе, великий князь, в стольном граде остаться надо, — сказал Ратмир. — А я помогу твоему витязю, отправлюсь вместе с ним вызволять княжну.

— Я поеду с ним... Я поеду с ним... — в один голос ответили Фарлаф и Рогдай.

Владимир размышлял. Перед ним стояли четыре разных человека: веры латинской, иудейской, мусульманской и... православной. Князь увидел на шее Руслана небольшой тускло блеснувший серебряный крестик. Да, правильно, ведь отец Руслана служил при дворе княгини Ольги, бабки Владимира. Видно, не только он сам, но и сын его, Руслан, принял веру христианскую.

— Езжайте, верните в дом родной дочь мою любимую, в добрый путь, — отпустил Владимир витязей.

— Великий князь, к тебе посол с письмом от царей византийских, — подошёл к нему слуга.

— Ну, вот и дела подоспели... — невесело рассмеялся князь. — Зови ко мне посла византийского, выслушаю, с чем он прибыл, — и Владимир вышел из пиршественного зала, в котором слуги начали наводить порядок после разрушений, оставленных Змеем.

ВИЗАНТИЯ,
КОНСТАНТИНОПОЛЬ,
987 ГОД ПО РХ

Анна не находила себе места — она чувствовала приближение чего-то пока ещё неясного, но уж точно — очень важного, судьбоносного. Такое же чувство она испытала в детстве, когда её мать царицу Феофано и её саму выслали из Константинополя.

Феофано, прекрасная, обольстительная Феофано! Пепельные волосы, фиалковые глаза... Дочь константинопольского харчевника, честолубивая, ослепительная красавица, ставшая императрицей Византии в восемнадцать лет.

Возвышение её было быстрым и сказочным, да только у этой сказки оказался печальный, трагический конец. Страстно любил её супруг — император Роман II. Но не смогла или не захотела Феофано делить власть с семьей своего мужа.

Поддавшись её чарам, пятерых своих родных сестер — блистательных и образованных, пять цен-

нейших жемчужин византийской короны — Роман удалил из дворца.

Прошло немного времени, и этот неродственный, небратский, неимператорский поступок Романа, которому пылкая страсть к Феофано затмила разум, свёл в могилу его мать царицу Елену, с которой Феофано так не хотелось делить положение императрицы-правительницы.

Не принесла эта роковая красавица долгого счастья и супругу: всего через четыре быстро пролетевших года после свадьбы, Роман II вернулся с охоты, занемог и умер.

Да, четыре года пролетели стремительно, почти незаметно, но Феофано родила четырёх детей: сыновей Василия и Константина, дочерей Феофано и Анну. Молодая овдовевшая императрица стала регентшей над своими малолетними сыновьями.

Красавица Феофано недолго оставалась в одиночестве: уже очень скоро её избранником и императором Византии стал полководец Никифор Фока. И по дворцу засквозили шепотки: «она изменяла с Никифором своему мужу... изменяла ещё при его жизни...»

Молодому красавцу Роману с пятидесятилетним Никифором?

Феофано только улыбалась: Никифор Фока, опытный воин, ради неё — своей прекрасной царицы — разгромил Багдадский халифат, захватил Крит и вторгся в Сирию... Ах, если бы он ещё был

молод и красив! Но прожитых лет не воротишь, а жаль... Феофано скучала...

И тогда её благосклонный взор упал на племянника своего мужа и императора — красавца Иоанна Цимисхия, также искущённого в воинском искусстве. И Цимисхий ответил ей взаимностью.

Однажды тёмной ночью, во время страшной бури, безоружный василевс Никифор Фока был жестоко и вероломно убит заговорщиками в своей постели.

Шепотки вновь засквозили по коридорам дворца: «она подслала убийц к императору... по её желанию подкупленные убийцы умертвили императора ради возлюбленного... онапустила их во дворец»...

Иоанн I Цимисхий объявил себя императором.

И тут судьба отвернулась от Феофано, отказавшись исполнять её дальнейшие желания: как только новоявленный император утвердился в своей власти, он не только не пожелал жениться на ветреной Феофано, но и выслал её за пределы столицы, сослав с шестилетней Анной на пустынный остров в Эгейском море, в холодную мрачную келью.

В тоске глядела Феофано с этого сурового берега на свой прежний роскошный дворец, надеясь когда-нибудь вернуться в него. И у неё это почти получилось: они сбежали с острова и укрылись за стенами Святой Софии, но Цимисхию донесли о побеге, и он повелел отправить Феофано с дочерью в ещё более далекий монастырь.

Там они прожили шесть горьких лет.

Когда Цимисхий скончался в 976 году (кто-то шептал — от болезни, кто-то шептал — что его отравили), власть перешла к старшему сыну Феофану — Василию II. Сын вернул мать и сестру во дворец — но вот к власти Феофано путь был закрыт. О ней просто забыли... А она и не напоминала о себе... Её словно не стало...

Анна, в отличие от своей матери, несмотря на свою удивительную красоту и образованность, не стремилась к возвышению, к единовластию. Она любила свою родину, и была готова выполнить ради неё свой долг.

Порфиородные принцессы выходили замуж за самых наидостойнейших христианских государей. А таковых, по мнению василевсов Византии, было очень немного.

Византийский двор считал себя первым среди правящих христианских дворов, и — это признавалось всеми правящими христианскими дворами. Ведь Византийский двор был прямым наследником великих традиций Греции и Римской империи. Роскошь и величие Константинополя, церемониал императорского двора, традиции культуры и искусства были образцами для подражания.

К Анне сватались завидные женихи, но братья не спешили отдавать её руку. Возможно, она вообще никогда не выйдет замуж — чтобы не уронить чести Византийской империи.

Византия так высока... Почти — божественна... Так кто же может быть достойным смешать свою кровь с кровью порфирородной византийской принцессы?

А уж если Анна и выйдет замуж, то Византия должна получить за это очень, очень, очень серьёзную компенсацию.

Кроме того, сердце Анны было свободно, ни один жених его не тронул...

К тому же после свободы и многих возможностей, которыми обладали византийские принцессы, быть просто красивым украшением короны — пусть даже сильного и достойного государства — ей не хотелось... Лучше остаться в любимой Византии. Да, именно этого она и хочет.

Темнело. Неторопливые шаги послышались у неё за спиной, и в покоях стало светлее. Анна подумала, что это служанка зажгла светильники.

— Благодарю, ты можешь идти, — не поворачиваясь отпустила она служанку.

— Я только что вошёл, позволь остаться ненадолго, — прозвучал у неё за спиной мягкий мужской голос.

Анна повернулась. Мужчина, произнесший эти слова, показался ей очень знакомым. Высокий, благородной наружности, с тёплым взглядом мудрых глаз, в длинных ниспадающих одеждах, с яблоневым посохом в руке.

Но это... Этого не может быть...

— Ты не ошиблась. Я — апостол Андрей, — ответил мужчина на её невысказанный вопрос.

Анна подошла к нему, преклонила колени.

— Благослови меня, святой апостол.

— Благословляю во имя Господа.

Андрей осенил девушку крестным знамением, поднял с колен и усадил в удобное кресло. Его появление потрясло принцессу, Анна была словно во сне, и не сразу пришла в себя. Апостол подошёл к столу, налил в кубок немного красного вина и подал его принцессе. Анна сделала пару глотков, её щёки порозовели, она стала ровнее дышать.

— Я пришёл к тебе, Анна, спросить — как ты живешь? Ты счастлива?

Анна смутилась. Её редко спрашивали о том, как она живет, каковы её желания. Чаще венценосные братья не обращали на неё внимания. Да, она жила в роскоши, много времени уделяла чтению, интересовалась науками, помогала нуждающимся. Но — счастливой себя она не чувствовала. Утончённая культура Византии давала много пищи для ума. Но ведь у Анны ещё было сердце — а вот о нём никто не вспоминал...

— Благодарю тебя, святой апостол, я счастлива, — голос Анны был тих, но твёрд.

— Порфирородные принцессы... Ни на мгновение не забыть о том, что ты — порфирородная принцесса... А о том, что ты — живой человек, ты хотя бы иногда вспоминаешь? — голос апостола

был негромким, но Анне казалось, что он проникает в самую её душу.

— Да... Но ведь есть интересы государства... Честь...

— Интересы государства... Но в чем они? Накоплении богатств? В роскоши? Укреплении власти правителей?

— В мире, любви, процветании страны...

— А теперь подумай, так ли сейчас происходит в Византии... В чём же здесь честь? Нет, не этого я хотел для народа, когда принес сюда Слово Божье и основал Церковь Господню...

— Но что я могу? — Анна действительно не знала, что она может сделать.

— Ты можешь нести любовь, добро, мир... Ты можешь стать счастливой... А теперь — спи...

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, КНЯЗЬ, 987 ГОД ПО РХ

Владимир читал послание византийских царей. Он молчал, не спеша перечитывал строчку за строчкой, ни словом, ни жестом не выдавая своих чувств.

Благодарнейшая Византия умоляет о помощи «варварскую», «тавро-скифскую» страну, как называли просвещённые христианские государи его любимую Русь. Владимир знал об этом. Но это не мешало им всем искать выгоды от отношений с Русской землей, или вот — защиты и помощи просить.

«Послать им, что ли, Людмилушкиного сторожевого котёнка, всех врагов их распугает...» — подумал князь, и это воспоминание о минутах счастья, проведённых с дочерью, и страх за её жизнь невыносимой болью отзывались в его сердце.

«Сейчас бы мчаться ей на помощь, но...» — мысленно застонал князь.

Владимир молча отложил письмо.

Перед ним стоял высокородный, важный византиец, в роскошных, изысканных одеждах, побледневший, с выступившими от напряжения каплями пота на лбу — он терялся в догадках, не понимая, почему великий князь русский так долго молчит.

— Что думаешь, Владимир?

Князь поднял голову — он уже привык к тому, что апостол Андрей приходил незаметно и... во время.

— Да вот, царям византийским помощь нужна, войско просят. Напомнили мне государи о давнем договоре: ещё князь Игорь заключил его с Византией, и по договору тому должны мы помогать друг другу. Видно, совсем дела у них плохи, раз обратились они ко мне. Ведь нас они считают дикими «варварами»... — в голосе Владимира прозвучала горечь.

— Поможешь?

— Помогу, что же не помочь... Люди защиты просят. Но вот правители византийские относятся к нам, русичам, как к варварам. Хотя они просят помощи у нас, но делают это надменно, не как у равных. А как переменить это отношение к Руси, я пока не знаю.

Мне пришлось по душе то, что ты мне показал, Андрей. Вера и Бог пришли по душе мне и моим побратимам. Я крещусь, и Русь примет крещение, а значит — мне будут нужны священники греческие. Мне полюбилось то, что Бог при-

нял смерть за людей... И этого Бога и веру я приму, это решено — но не как проситель, а только как равный.

— Смотри, князь...

***

Синее море тихо плескалось...

Солнце сверкало золотом в высоком голубом небе...

Владимир сидел на тёплом камне, лежащем на берегу моря почти у самой кромки воды...

Молодая, изящная женщина в длинном, лёгком, развеваемом ветром платье, медленно шла к нему по жёлтому песку, оставляя после себя на песке тонкую цепочку маленьких, воздушных следов...

Та самая задумчивая, голубоглазая красавица, что он «видел» в храме...

Владимир почувствовал, что его сердце согрелось и последние тревоги, так тяготившие его в последнее время, растаяли от её улыбки, словно последние льдинки в тёплый вешний день...

Она улыбалась ему...

Улыбалась светло, нежно...

Вот она подошла, князь заглянул ей в глаза, их руки сплелись...

Он почувствовал, что в ней он обретёт ...

...Друга...

...Помощницу...

...Любовь...

Его сердце вострепнулось и больно ударило в рёбра.

Любовь?

Женщина улыбнулась ему...

Владимир улыбнулся ей в ответ счастливой улыбкой...

Да.

Любовь.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!.. — принес из-за моря ветер...

Девушка нехотя повернулась на этот зов к горизонту и... исчезла...

Без неё берег сразу показался Владимиру пустым, море — холодным, солнце — тусклым.

Не может быть, чтобы она исчезла навсегда!

Князь принял решение...

***

В далекой Византии порфирородная Анна очнулась от забытья в своих роскошных, но пустых покоях...

Её сердце трепетало в груди, как испуганный соловей...

Предчувствие приближающегося поворота судьбы вернулось.

Что за мужчина пригрезился ей?

Кто он?

Он не был похож ни на одного знакомого ей человека: приятной и мужественной наружности,

с прямым, открытым взглядом синих глаз, широкоплечий, светловолосый...

Как причудливо менялось выражение его лица, когда он смотрел на неё! Задумчивость, узнавание, удивление, радость, надежда, умиротворение, нежность, любовь...

Любовь?

Да.

Разве она может думать о любви?

Она — порфирородная принцесса Византийской империи...

У неё есть свои обязанности...

Но, может быть, она может что-то ещё?

Этот незнакомец тронул её сердце, но Анна знала, что братья не отдадут её замуж, не просчитав всех выгод от этого брака — тем более, за человека нехристианской веры. Да и сама она никогда не выйдет за не христианина! А он точно не христианин...

Принцессу объял ужас — она даже могла не то, что представить, а даже подумать о том, чтобы выйти за язычника, варвара... Нет, это невозможно. Уж лучше смерть...

***

А в Киеве великий князь русский Владимир Красное Солнышко принял решение и ясно посмотрел в глаза Андрею.

— Дам я войско.

Князь повернулся к послу византийскому, продолжавшему неподвижно стоять перед ним в напряженном ожидании.

— Передай, что я помогу, пошлю на помощь царям византийским шесть тысяч воинов. Но пусть они отдадут замуж за меня сестру свою Анну....

ПУТЬ-ДОРОГА

Скоро только сказка сказывается, а вот дело не скоро делается... Ехали Руслан, Ратмир, Рогдай и Фарлаф через горы высокие, через реки широкие, леса дремучие...

Видели они на своем пути многие разрушения, оставленные Змеем Горынычем: сожжённые поля, разрушенные деревни, растерзанных людей...

Страдало сердце Руслана при виде этих бедствий великих, кровью обливалось. Видел он, сколько Зла принес Змей Горыныч Русской земле. Страдали сердца Фарлафа, Ратмира и Рогдая — видели они, сколько бедствий принес Змей Горыныч и не могли не скорбеть при виде этих бедствий.

Останавливались витязи, помогали страдальцам всем, чем могли, и продолжали свой путь...

Раз почти догнали они Змея: сидел он на крутом берегу и пил из реки, воды которой были окрашены кровью. Людмила ни жива, ни мертва, лежала у него на спине.

Выхватили витязи свои мечи и ринулись на Змея. Только дунул он на них огнём, и замерли

они — с поднятыми мечами в руках, на застывших конях богатырских — не успев приблизиться к нему. И снова только князь Руслан видел и слышал, только двинуться он не мог.

— С незапамятных времен получал я жертвы! — разнесся по округе громом голос Змея. — А великий князь русский Владимир запретил жертвы кровавые! Поставил он заслоны вокруг Русской земли, и больше не приводят мне в полон русских людей, не дают свежей крови! Как он посмел отобрать у меня то, что принадлежит мне?! Теперь дочь его будет мне жертвой! Теперь он за всё заплатится! Чтобы знал, что не он, а я правлю! И всё будет так, какова воля моя!

Взмахнул чёрными крыльями Змей Горыныч, поднялся в небо, и умчался, унося Людмилу. Небо потемнело, его быстро затянуло чёрными тучами, сверкнула молния, гроыхнул раскат грома и на землю хлынул кровавый дождь.

**ВИЗАНТИЯ,
КОНСТАНТИНОПОЛЬ,
987 ГОД ПО РХ**

— Дерзость Владимира невероятна! Я не могу поверить, что этот варвар посмел потребовать в жёны нашу сестру, но... — Василий не успел договорить.

— Брат, мы не можем отдать сестру в варварскую страну! Это ведь династический брак! Вспомни, что дед наш, Константин VII Багрянородный, сказал о браках с варварскими северными народами, и русов он также упомянул: «Если когда-либо народ какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен попросит о родстве через брак с василевсом ромеев, то есть либо дочь его получить в жёны, либо выдать свою дочь, василевсу ли в жёны или сыну василевса, должно тебе отклонить и эту их неразумную просьбу...» — Константин кипел от возмущения.

— Но он ведь сделал и исключения...

— Да, но для кого? Для правящих христианских просвещенных домов, для франков. Но и это воз-

можно только в самых крайних случаях! — Константин мерил покои нервными быстрыми шагами.

— Брат, прошу, успокойся. Нам нужна сила Руси. — Василий остановил Константина и заглянул ему в глаза. — Пусть мы сейчас ищем помощи у варварской, языческой страны, но эта страна сильна, воины русские страха не ведают. Если согласится великий князь русский Владимир нам помочь — будет спасена Византия... Мы будем спасены... Да и сам ты всё это знаешь, от других помощи мы не получим...

— Это правда — велика храбрость русских воинов. Дадим согласие на брак, получим помощь...

— ...получим помощь... А затем поставим условием, чтобы Владимир прибыл в Константинополь, принял крещение и женился на нашей сестре по христианскому обряду...

— ...и если здесь, из наших рук, князь примет крещение, то Русь ...

— ...будет под нашей рукой...

— ...и её войско, её богатства...

— ...а потом ведь всякое может случиться...

— ...князь может отказаться от крещения...

— ...и тогда наш договор потеряет силу...

— ...и даже, если он крестится и женится на Анне по христианскому обряду...

— ...то потом всякое может случиться...

Как всегда, венценосные братья понимали друг друга с полуслова...

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ...
ВИЗАНТИЯ...
987-988 ГОДЫ ПО РХ

Реликий князь русский Владимир, верный своему слову, помог Византии — русская дружина в шесть тысяч воинов встала на защиту Константинополя.

Эта крайне своевременная, судьбоносная, мощная помощь, дала Василию II то, чего он так страстно желал — мятежные войска узурпатора Варды Фоки были разбиты, а сам он умер в разгар битвы. Армия мятежников провозгласила императором выпущенного из темницы Варду Склира, и он пошёл на соглашение с Василием II — старый мятежник сложил оружие, и покорился императорам. Соправители Василий II и Константин VIII остались у власти.

Приняв помощь от Владимира, и получив желаемое, братья-императоры не торопились выполнить свою часть договора.

Владимир не удивился: хитрость Византийского двора была известна всему миру, а уж когда дело

касалось замужества порфирородных принцесс, тут вообще всё становилось крайне неоднозначным и туманным. Даже самые влиятельные христианские государи подолгу добивались чести породниться с Византийской империей, а Владимир был язычником.

Но как же честь, как же слово императорское?

Разве они уже не имеют веса и значения?

В другое время Владимир не раздумывая двинул бы войско на нарушивших договор василевсов и сам бы выступил впереди него.

Но сейчас его гнев, вызванный уловками императоров не желающих держать свое слово, тлел, но не разгорался пламенем — князь неотрывно думал о Людмиле. Прошло уже много времени, а вести, которые ему отправлял с путь-дороги Руслан, не могли успокоить князя — Змей оставлял после себя многие жертвы и разрушения, Людмила всё также оставалась в его власти. Князь сразу же отправлял помощь туда, где люди пострадали от Зла. Но вот Людмила...

И князь думал, что же ему делать? Кинуться на помощь витязям и помогать им спасти Людмилу? Но он уже их не догонит.

Послать Руслану на помощь троицу богатырей? Нельзя надолго их отрывать от охраны границ Русской земли, пусть даже ради дочери своей.

Ради родной земли хотел Владимир крещение принять — значит, и нужно это сделать, призвать

к ответу царей византийских. Пусть слово своё держат.

Оставил Владимир своих друзей-богатырей охранять границы Русской земли и выступил походом на город византийский, лежащий к Руси ближе всего — Херсонес, именуемый у русских Корсунь.

Херсонес сопротивлялся долго, его крепостные стены были мощным, гарнизон смелым, но и князь не уступал. Несколько месяцев длилась упорная осада. Взять город помог христианский священник Анастас, и русская дружина вошла в город.

Отправил Владимир к братьям-василевсам в Константинополь послов с предупреждением: «Город ваш славный, Корсунь, я взял. Если нарушите слово своё, и не отдадите за меня сестру свою принцессу Анну, то сделаю столице вашей то же, что и с этим городом».

И пришёл ответ князю: «Не пристало христианам выдавать жён за язычников. Если крестишься, то и её получишь, и царство небесное восприимешь, и с нами единовверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». На что надеялись василевсы, отправляя князю подобный ответ?

Только улыбнулся Владимир этому ответу царей византийских.

«Я крещусь, ибо ещё прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, — ответил

он. — Пусть священники ваши, что придут с Анной, крестят меня и народ мой».

Не хотелось василевсам выдавать сестру за Владимира, не хотелось и крестить его за пределами Константинополя — ведь тогда Русская земля не будет от них зависеть, и не будет приносить им богатые дары. И совершится такое, чего не мог ранее получить никто — великий русский князь Владимир примет крещение не как проситель, а как равный им.

Но Василий II и Константин VIII также понимали, что Владимир сделает так, как сказал, и им не хотелось в его лице приобретать врага — сильного и непримиримого. И братья настойчиво, взывая к любви Анны к Византии, начали уговаривать сестру согласиться на этот брак.

— Анна, сестра наша, ты видишь, что мир в царстве Византийском сейчас зависит от тебя. Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же, — уговаривали они принцессу.

Какое же зло сделала Византии Русь? Дала помощь тогда, когда императоры сами её просили? Или когда русское войско встало на защиту Византии? Или когда князь потребовал соблюдения договора, который подписали цари византийские?

Анна смотрела на своих братьев, настойчиво просящих её нарушить все прежние, твердока-

менные традиции. Но как же разговоры о чистоте крови? О чести Византии? Но в чём же тут честь — сначала пообещать её руку язычнику, получить от него помощь, потом пытаться избежать выполнения договора, и, наконец, из страха перед варваром заставлять сестру пожертвовать собой...

— Братья, вы принуждаете меня идти в чужую мне языческую страну. Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть, — говоря это, принцесса смотрела на братьев, надеясь, что хотя бы сейчас они заговорят с нею откровенно, может, хотя бы сейчас повинятся перед ней в своем лукавстве и страхе.

Но этого не произошло: братья продолжали свои уговоры — и по её щекам покатались слезы разочарования. Ей невыносимо было видеть лица братьев, и Анна на мгновение закрыла глаза...

...бескрайние просторы, красота несказанная...

...прекрасные церкви, коих становилось всё больше...

...иконописцы, что иконы писали благоговейно...

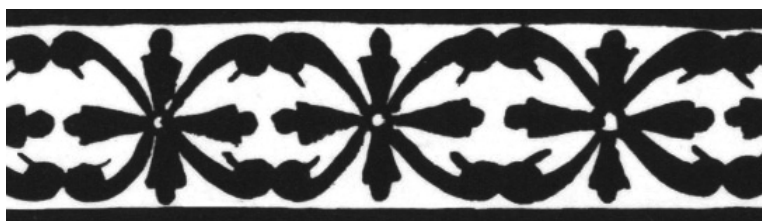
...люди приветливые...

...любящий муж...

Анна улыбнулась этому видению, открыла глаза, ещё блестевшие слезами, и увидела апостола, стоявшего рядом с ней, в глазах которого тоже стояли слёзы.

Она поняла, что её царственные братья лишены возможности видеть Первозванного.

И знала, почему.

ВИЗАНТИЯ,
ХЕРСОНЕС,
988 ГОД ПО РХ

Князь в задумчивости бродил по берегу моря. Ему казалось, что вот-вот должно наступить долгожданное успокоение, обретение мира: он принял решение о выборе веры, Херсонес взят, и, несмотря на все уловки царей византийских, Анна приближалась к нему.

Но до сих пор не было вестей о его дочери Людмиле, и неизвестность терзала его.

Князь понимал, что Змей Горыныч унес Людмилу далеко за тридевять земель, что дорога туда длинна и трудна. Владимир был уверен, что Руслан вызволит Людмилу, ведь он любит её, а любовь, как говорил ему Андрей — сила великая... Но от этого знания Владимиру не становилось легче, и страдало его отцовское сердце...

— Не радуешься, князь? — голос апостола привычно прозвучал рядом.

— Не могу. Сердце мое тоскует по дочери. Не знаю, в плену она ещё или уже вызволил её Руслан. От этого и радоваться не могу.

— Город ты взял, Анна к тебе направляется, здесь храмы христианские, священники — не пора ли креститься? Ты ведь этого хотел?

— Да, этого. И хочу. Но пока не увижу дочь своими глазами, не смогу я этого сделать.

— Верь Господу, Владимир, уповай на помощь его. И тогда поможет тебе Спаситель, и всей Руси он поможет. Не сомневайся — и будешь спасен. А Людмила твоя жива, здорова, и не так далеко, как ты думаешь. Хочешь увидеть своими глазами? Смотри! — апостол указал Владимиру на далёкий берег.

Повинуясь его руке, горизонт словно приблизился и раздвинулся. Владимиру открылась длинная песчаная бухта, с одной стороны которой спал чёрный вулкан, а с другой — в море уходил мыс, менявший свой цвет от песочно-серого до изумрудного, как хамелеон. Прямо у подножия вулкана Владимир увидел грот, в котором мёртвым сном в хрустальном гробу спала Людмила. Попасть в грот можно было только по морю, и князь увидел, как Руслан, Ратмир, Рогдай и Фарлаф спешили, собираясь добраться до грота вплавь. Но не успели.

Море вспенилось, вскипело, и, тяжело ступая, оставляя за собой глубокую борозду, вышел из него

на берег Змей Горыныч. Князь ужаснулся — такого страшного Змея ему ещё не приходилось видеть.

Били разную нечисть русские витязи не раз, но этот Змей был страшен: огромный, дышащий огнём, с медными когтями на мощных лапах, покрытый твёрдой, блестящей чешуёй, отливающей на солнце металлическим блеском, с огромными чёрными крыльями, закрывающими своим размахом солнце.

— Что, решили смерть лютую принять? — загрохотал над морем голос разъярённого Змея. — Так и быть, поиграю с вами напоследок! Прощайтесь! Недолго вам осталось!

Витязи подошли друг к другу, обнялись, затем сели на коней и ринулись на Змея с разных сторон. Они рубили его мечами, кололи копьями, но ничего не могло пробить его шкуру.

Змей разъярился ещё сильнее.

Он заревел таким диким рыком, что спящий вулкан задрожал и ответил ему, из его жерла мощный столб огненной лавы взметнулся в небеса, а затем кипящей рекой хлынул в море.

На мгновение Владимиру показалось, что из глубины вулкана, откуда вырвался огненный кипящий столб, раздался громкий человеческий вопль, словно одновременно от дикой боли и ужаса закричало много людей.

Взмахнул своими крыльями Змей, дыхнул огнём и замертво упали на песок храбро сражавшиеся Ратмир, Фарлаф и Рогдай.

Владимир видел, что Руслан ещё держался, но он чувствовал, что силы витязя на исходе. Как ему хотелось в этот миг быть рядом с ним! Руслану была нужна помощь!

Князь увидел, что Руслан достал из-за пазухи серебряный крестик, сжал его в руке, закрыл глаза и обратился с молитвой о помощи к Спасителю.

Змей взвыл в дикой ярости, его рык громовыми раскатами гремел над морем, из пасти валил чёрный дым и вырывался огонь — чудище готовилось растерзать витязя.

Руслан помолился, наклонился к своему верному коню и что-то прошептал ему на ухо. Конь прыгнул ушами и согласно заржал. Руслан потрепал его по холке и приготовился к последнему удару. Сил у него почти не осталось.

Руслан отвел коня назад, пустил вскачь и из последних сил нацелил копьё на Змея. Он думал только об одном: если он не победит Змея — его Людмила погибнет, а Зло вернётся на Русскую землю. Руслан не мог допустить, чтобы жизнь его любимой, чтобы Земля родная стали жертвой кровожадного Зла.

И тут увидел Владимир... чудо: над местом схватки разлился блистающий свет и рядом с Русланом, мчавшимся на чудище, появился сияющий всадник на белом коне. Его золотое копьё одновременно с копьём Руслана ударило Змея, пробило чудище насквозь и пригвоздило к земле.

Змей рванулся изо всех своих сил, но могучая рука чудесного воина крепко держала золотое копьё, не давая чудищу вырваться. Змей взревел, горы содрогнулись, море полыхнуло огнём и кроваво-чёрное зарево поднялось почти до небес. Змей Горыныч в последний раз дёрнулся на копьё и рассыпался кровавым пеплом по берегу.

Чудесный витязь обратил взор к небу и улыбнулся. Свежий ветер пролетел над морем, словно кто-то подул с небес — и огонь угас, а пепел развеялся, как будто его и не было никогда.

Море тихо всколыхнулось, и осторожная волна вынесла из грота на берег хрустальный гроб.

Руслан спешился, подошёл ко гробу и откинул хрустальную крышку. Людмила лежала в нём в свадебном уборе, как живая, даже румянец не покинул её нежных щёк, а губы всё так же алели, как спелые вишни. Девушка дышала, но Руслан никак не мог её разбудить. Витязь опустился рядом с гробом на колени, и зарыдал, не стесняясь своих слёз. Он не смог вызволить свою ненаглядную, не успел.

Чудесный воин подошёл к лежащим на песке Рогдаю, Ратмиру и Фарлафу. Витязи лежали в беспамятстве, но, к счастью, были живы. Он по очереди прикоснулся к каждому, они легче задышали, зашевелились, поднялись, подошли к Руслану и застыли рядом в скорбном молчании.

За долгий путь они успели сдружиться и полюбить этого мужественного, открытого человека,

в чьём сердце было место и беззаветной храбрости, и состраданию, и любви. Сейчас они искренне сочувствовали другу в его горе.

Чудесный воин также подошёл к Руслану и наклонился над ним.

— Ну что же ты, Руслан, неужели не соскучился по невесте? — тихо промолвил он.

— Соскучился, — прорыдал Руслан.

— Ну, так поцелуй...

— Поцеловать? — Руслан постарался взять себя в руки, и вытер слёзы.

— Конечно. Ты любишь её, а она любит тебя. Вот и поцелуй...

Руслан подавил последнее рыдание, вздохнул, наклонился и поцеловал Людмилу поцелуем, в котором слилось всё — страдание, любовь, отчаянье, надежда.

Людмила открыла глаза...

Море расступилось, и на берег длинной вереницей стали выходить люди: молодые, старые, мужчины, женщины, парни, девушки, дети, одиночки и целые семьи — все, кого Змей Горыныч уводил в полон. Теперь они были свободны...

Андрей и Владимир всё также стояли на берегу моря в Херсонесе, апостол снова взмахнул рукой и горизонт вернулся на свое место, а далекий берег с витязями и поверженным Змеем скрылся из глаз.

— Теперь я спокоен, теперь уверен, теперь я всё увидел своими глазами и знаю, на что способен твой Бог. Я узнал этого воина — это Георгий, победитель Змея, и я благодарен Христу за то, что он прислал его на помощь, — Владимир облегченно вздохнул. Он даже не заметил, что всё это время почти не дышал.

Апостол негромко заговорил.

— Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится,

говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!»

Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен;

щит и ограждение — истина Его.

Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днём, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень.

Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится:

только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым.

Ибо ты сказал: «Господь — упование моё»;

Всевышнего избрал ты прибежищем твоим;

не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему;

ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих:

на руках понесут тебя, да не преткнёшься о камень ногою твоею;

на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона.

«За то, что он возлюбил Меня, избавлю его;

защиту его, потому что он познал имя Моё.

Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его,

долгою дней насыщу его, и явлю ему спасение Моё», — апостол произнес молитву просто, но с огромной внутренней силой и верой в каждом слове.

— Какие проникновенные, светлые слова, — прошептал Владимир. Пережитые волнения и чувства, которых он ещё никогда не испытывал в своей жизни, пролились тихо катившимися чистыми слезами.

— Верь, князь, и по вере твоей будет тебе. Ты ведь душой уже принял Спасителя, но хотел подтверждения Его Силы и Славы. Не захотел довериться Ему, захотел подтверждение увидеть «своими глазами». Так ведь? — Голос апостола был тих и мягок, но Владимиру казалось, что он громовыми раскатами звучит в небесах.

— Так...

— По вере твоей да будет тебе. Сейчас ты захотел «увидеть своими глазами», воочию. Увидел?

— Да...

— А нужно, чтобы открылись твои духовные очи.

— Но как это сделать? — отозвался Владимир. — Я не знаю! Я привык доверять только себе, своим братьям-богатырям, войску...

— Господь поможет тебе! Прими Его волю. Спаситель любит тебя. — Апостол положил руку на плечо Владимиру и заглянул ему в глаза. — Верь!

Владимир подумал, что незаметно и резко — в один взмах орлиного крыла, в один крик чайки — наступила ночь. Беззвёздная. Чёрная. Бездна.

Он понял, что ослеп. И ужаснулся.

— Верь! — Прокатился громом голос апостола над Херсонесом. — И узришь!

Владимир покорился. Опираясь на руку Андрея, он опустился на песок, привалился спиной к уступу скалы и, словно с высоты птичьего полёта, увидел...

... бабу свою, княгиню Ольгу — посылавшую ему с небес свое благословение...

... крещение Руси...

... богатырей русских Илью, Добрыню, Алёшу — они показывали ему на сильные границы, защищавшие со всех сторон Русскую землю...

... многие прекрасные церкви...

... исполнение мечтаний своих о счастливой жизни...

... смерть свою и рыдания народа над собой...

... раздоры и войны между сыновьями своими...

... кровавые человеческие жертвы, что тайно продолжали приносить языческим богам в лесных чащах...

...первых святых, канонизированных Русской Церковью — сыновей своих — Бориса и Глеба...

...монаха-воина Пересвета, пронзенного вражеским копьем — и в смерти победившим врага...

...Невскую битву и Ледовое побоище... кто с мечом к нам придёт...

...Куликово поле...

...народное ополчение Минина и Пожарского, изгнание захватчиков ...

...Полтаву...

...1812...

... русских моряков, со слезами топивших свои корабли в севастопольской бухте, чтобы враг не прошёл — и он не прошёл...

... залитый кровью Малахов курган...

...1917...

...падающие со стонами колокола церквей, разрушенные храмы...

...1941...

...вставай, страна огромная...

...1945...

... дружбу, братство народов, Русскую землю населявших...

... силу, мощь страны, поднявшейся из пепла...

... помощь, идущую от Русской земли во все стороны света...

... стройные, высокие храмы с золотыми куполами...

... святых, в земле Российской воссиявших...

Увидел князь, что ещё много времени пройдет прежде, чем Русь станет единым государством — так, как ему грезилось.

Но также увидел он, что единство народа, объединённого безусловной любовью к Родине и одной милосердной верой Любви, придёт намного раньше, и благодаря единству народа и воле его далёких, будущих преемников, Русская земля объединится.

А первый камень в основание единства Русской земли — как первый камень, заложенный при строительстве храма — заложит он, Владимир. Только объединив народ можно создать единое государство...

И содрогнулось сердце Владимира...

Содрогнулось от радости и страдания, от невыразимой любви к своей земле, своему народу, от желания видеть Русь счастливой и единой, сильной и мудрой...

И увидел он, что так и будет.

И просветлел лицом Владимир, и улыбнулся, и ушла из его сердца тоска, и наполнилось оно светом, любовью и миром.

— Я вижу! Вижу... Прикажу подготовить всё к крещению, — подумал вслух Владимир. — Андрей, ты ведь останешься со мной? Ты останешься с Русью? — спросил он апостола и, сам того не заметив, взял его за руку.

— Я всегда буду рядом с тобой, я всегда буду с Русской землёй, — и Первозванный крепко пожал князю

руку, словно скрепляя этим рукопожатием обещание вечной, истинной дружбы, помощи и защиты.

Стройные галеры, легко скользя по морским волнам, шли к Херсонесу — Анна становилась всё ближе к своему будущему супругу. На двух галерах прибыла царица со священниками, иконой Божией Матери, многими святыми мощами и другими святынями. Третья галера с вином для свадебного пира потонула во время шторма. Возможно, это был Промысел Божий — ходили слухи, что византийские правители время от времени добывались своего при помощи яда.

Вот галеры пристали к берегу, на котором, казалось, собрался весь Херсонес — люди с восторгом встречали порфирородную принцессу известную своей красотой.

В огромной, пёстрой толпе, Анна сразу увидела его — красивого мужчину в расшитом золотом одеянии, с короной на голове, в сопровождении свиты.

Владимир...

Анна с облегчением вздохнула: да, это он, тот незнакомец, которого она видела в своих снах. Он уже стал для неё близким человеком, она узнала его, и её сердце, взволнованно забившись, подтвердило это знание. Может быть, и не так страшно будет ей в чужой земле, с незнакомыми людьми, культурой, укладом.

И Первозванный поможет...

Владимир улыбался ей приветливой, солнечной улыбкой.

— Здравствуй, Анна, я рад тебе, — князь говорил по ромейски медленно, но понятно.

Владимир волновался — он не знал, как Анна отнесётся к его слепоте. А ему так хотелось, чтобы эта голубоглазая, нежная красавица осталась с ним, мало того — не жертвенно согласилась исполнять свой долг, а — полюбила его и Русскую землю, чтобы и он, и Русская земля стали ей родными.

— Здравствуй, Владимир...

Анна волновалась. Она всматривалась в это одновременно незнакомое и знакомое лицо, узнавая и не узнавая его.

Да, конечно, это он: сильный, улыбчивый, светловолосый, синеглазый. Глаза. Что с ними? Почему князь так странно смотрит на неё? Словно глядит не на окружающий мир, а внутрь себя?

— Я узнал тебя... Ты ещё красивее и милее, чем во сне...

Князь протянул Анне руки ладонями вверх, и она доверчиво вложила в них свои пальцы.

— Я тоже тебя узнала... — Анна смутилась. Ей не хотелось, чтобы окружающие их люди дотронулись до сокровенного — того, что касалось только её и Владимира. Ей хотелось это сохранить только для них двоих.

— Анна, я счастлив, что ты прибыла. Сейчас тебе нужно отдохнуть после тяжелой дороги. Для тебя

построены палаты, тебе там будет спокойно и удобно. А позже мы поговорим с тобой... обо всём... — князь надеялся, что понял правильно нежелание принцессы говорить с ним при посторонних.

— Да, именно этого я и желаю... — словно ото-звавшись на его мысли, ответила Анна.

Со всеми подобающими почестями, под восторженными приветствиями народа, Владимир проводил невесту, сопровождавших её священников и свиту к палатам и оставил там отдыхать, а сам, в сопровождении двух своих воинов вернулся к себе: его волнение становилось всё сильнее — князь всё так же оставался слеп.

Принцесса расположилась в построенных для неё палатах, служанки помогли ей освежиться, расчесали её длинные, отливавшие красным золотом волосы, и уложили их в простую прическу, помогли надеть чистое платье. Наконец, они зажгли в покоях светильники, принесли ужин и оставили Анну наедине со своими мыслями.

Девушка подошла к открытому окну. Ночь в Херсонесе, или, как называли этот город русичи — в Корсуни, была очень похожа на её родные константинопольские ночи: то же чёрное небо, та же россыпь сияющих звезд, привычный запах ночных цветов, пение цикад.

— Мне нужно поговорить с апостолом, — подумала вслух Анна. — Мне нужен его совет.

— В чём тебе нужен совет, принцесса? Разве сердце тебе сегодня не всё сказало? — Андрей стоял недалеко от её окна у большого куста роз и с наслаждением вдыхал тонкий аромат.

Анна тихонько выскользнула из покоев, миновала спящих у дверей служанок и вышла во двор, к апостолу.

— Я не понимаю, что с Владимиром, он меня видит и не видит... — поделилась своей тревогой с апостолом Анна. — Что с ним происходит? Как ему помочь?

— Во всём промысел Божий, Анна, — ответил ей апостол. — И в том, что Владимир пришёл к мысли о единении Русской земли, что решил креститься и крестить Русь, что не как проситель, а как равный он примет крещение, и в том, что сейчас он видит только очами духовными. Он не видит сейчас тебя, ибо физическая слепота его настигла — не смог он во всём положиться на Спасителя, не смог ему полностью довериться и поверить всем своим сердцем. Вот и послал Господь ему испытание, чтобы уверовал Владимир безусловно. Примет крещение — начнёт видеть, как прежде.

— А он знает об этом? — Анна сама не заметила, как сложила руки в молитвенном жесте.

— Нет, иначе не будет ему нужного урока.

— Прошу тебя, святой апостол, помоги ему.

— Как?

— Сообщи ему об этом. Не хочу я, чтобы он страдал, — в глазах принцессы заблестели слёзы.

— Страданиями душа очищается, прозревает, учится милосердию.

— Прошу тебя, помоги ему, а я буду молиться Господу, чтобы смилостивился он над Владимиром и послал ему прощение и прозрение.

— У тебя нежное, любящее сердце, Анна... — улыбнулся ей апостол. — Дай Бог, чтобы ты любила Русь. Тогда и народ счастлив будет, и ты сама. Я бы очень этого хотел.

— Я тоже. — И Анна опустилась на колени у иконы Богородицы.

Владимиру тоже не спалось этой южной ночью. Несколько раз он уже шёл к дверям, чтобы пойти к Анне и поговорить с ней обо всём... И каждый раз останавливался: он хотел дать возможность девушке успокоиться от пережитых волнений, освоиться на новом месте, привыкнуть к нему, привыкнуть к мысли о нём — о Владимире, её будущем муже.

Да, конечно, они уже «встречались» во сне, в видениях, которые показывал им апостол. Но теперь, когда Владимир увидел Анну уже в Корсуні, дотронулся до её теплых рук, его представления о ней стали осязаемыми, и он, закалённый в битвах непобедимый воин, чьё сердце не знало страха, теперь с трепетом думал о том, как Анна отнесётся

к нему, как сложится их дальнейшая жизнь — если она будет.

Для себя князь решил, что, если Анна из-за его слепоты или по другой причине не захочет выйти за него — он не будет её неволить. Хотя, представляя себе подобный исход, Владимир испытывал такие сердечные муки, что не знал, как он будет жить дальше без этой знакомой незнакомки, ставшей уже для него родной.

— Она беспокоится о тебе, князь, — апостол с лёгким порывом морского ветра выступил из бездны ночи, и Владимир смог различить свет.

— Анна? Беспокоится обо мне? — переспросил Владимир.

— Да. И она попросила меня о тебе позаботиться, чтобы ты не страдал.

— Почему она беспокоится обо мне?

— У неё доброе, любящее сердце. И она просила, чтобы я передал тебе от неё следующее: «Ты будешь слеп до тех пор, пока не примешь крещение».

— Я знал... Я чувствовал... — Князь взволнованно зашагал по горнице. — Пусть византийские священники всё подготовят. Я же — готов. И мое войско также примет крещение здесь, в Корсуни. Вернёмся домой — и повелю я принять крещение всей Руси. Хочу любви, процветания, благоденствия родной земле. Я принимаю Любовь как основу всего — бытия, жизни семьи, жизни

народа, жизни всего государства, всей Русской земли.

— С Богом, князь, — святой апостол осенил Владимира крестным знамением и растворился в тишине ночи.

Через несколько дней, на высоком склоне, в просторной базилике, овеваемой морским свежим ветром, свершился обряд крещения.

«Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тот тотчас же прозрел. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога: «Теперь узнал я истинного Бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились...

...Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Василеве, а другие и по-иному скажут...»^{*}

В Херсонесе, где каждый камень помнил святого апостола Андрея Первозванного, Владимир и Анна обвенчались.

Когда супруги двинулись домой, впереди великокняжеского поезда с частыми молебнами и не смолкающими священными песнопениями несли кресты, иконы, святые мощи.

И вот наступило утро Крещения.

«Собралось неисчислимое множество народа на указанный день и место. И сам великий самодержец со всем синклитом и освященным собором

украсил присутствие великое сие действие и чудное позорище. При берегу на плотях стоят облачённые священники и диаконы, река наполнена обнажёнными людьми всякого возраста и пола: иные в воде по колени, иные по пояс, другие по шею — моются, купаются, плавают. Между тем читают крещальные молитвы; каждый при особливом погружении получает в крещение имя и помазание миром». И повелел князь повсеместно крушить языческих идолов: одни были сожжены, другие изрублены в щепы. Главного же идола — Перуна — приказал привязать к хвосту лошади, стащить в Днепр, молотя по дороге палками для публичного поругания, а затем, привязав камень на шею, утопить в реке. Так оно и кануло в воду — русское язычество. Со слезами и воплями провожали Перуна те, кому ещё не открылся свет истинной веры. Видя, как ниспровергают языческих идолов, митрополит Киевский восклицал: «Капища разрушаются и церкви поставляются, идола и иконы святых являются, бесы убегают. Крест грады освящает».**

Прошло много лет...

Нежная душа царицы Анны отлетела к Господу в 1011 году. Владимир Святославович, любимый и любящий супруг, заказал для неё из Византии роскошный мраморный саркофаг изящной резьбы. Саркофаг был установлен в приделе Десятиной церкви Пресвятой Богородицы, построенной

на месте гибели мучеников варягов-христиан Федора и сына его Иоанна.

Когда же великий князь русский Владимир через несколько лет преставился...

...«Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нём — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем.

То новый Константин великого Рима; как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил так же. Если и пребывал он прежде в скверных похотных желаниях, однако впоследствии усердствовал в покаянии, по слову апостола: «Где умножится грех, там преизобилует благодать». Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив её. Мы же, христиане, не воздаём ему почестей, равных его деянию. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы ещё пребывали в заблуждении дьявольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы имели мы усердие и молились за него Богу в день его смерти, то Бог, видя, как мы чтим его, прославил бы его: нам ведь следует молить за него Бога, так как через него познали мы Бога. Пусть же Господь воздаст тебе по желанию твоему и все просьбы твои исполнит — о царствии небесном, которого ты и хотел. Пусть увенчает тебя Господь вместе с праведниками, воздаст услаждение пищей райской

и ликование с Авраамом и другими патриархами, по слову Соломона: «Со смертью праведника не погибнет надежда».

Память о нём чтут русские люди, вспоминая святое крещение, и прославляют Бога молитвами, песнями и псалмами, воспевая их Господу, новые люди, просвещённые Святым Духом, ожидая надежды нашей, великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; он придет воздать каждому по трудам его неизреченную радость, которую предстоит получить всем христианам...»***

В той же Десятинной церкви Пресвятой Богородицы появился ещё один саркофаг — князя Владимира. Подобной чести не удостоивались даже византийские императоры, их хоронили за церковными стенами.

Анна и Владимир этими почестями были приравнены к святым, ведь они вместе крестили и просвещали Русь.

Святой апостол Андрей Первозванный издревле особо почитается на Руси — как её небесный помощник, заступник и покровитель.

Послесловие

Ну, вот и всё, перевернута последняя страница. Если, конечно, вам хватило терпения прочитать книгу, а не пролистать и посмотреть — чем закончилось ☺

Думаю, вы без труда, и, надеюсь, с интересом, вместе со мной проследили параллели, совпадения, символы, о которых я сказала в начале.

Именно они — эти параллели, символы, совпадения — которые мне видны, словно ясным днём, заставили меня изложить эту историю на бумаге.

Я начала книгу с цитат выдающихся людей. Закончу тем же.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие».

Александр Пушкин

«Россия ... несёт внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, — Православие, ... она — хранительница Христовой истины...». «И, может быть, главнейшее ... значение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтобы сохранить в себе этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!»... «...в этом и вся сущность нашего могучего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего будущего бытия»... «Русская вера, русское Православие есть всё, что русский народ считает за свою святыню; в ней его идеалы, вся правда и истина жизни».

Фёдор Достоевский

И последняя цитата на сегодня:

«Одна ты на свете! Одна ты такая — Хранимая Богом родная земля!»

* Нестор Летописец «Повесть временных лет», перевод на современный русский язык Д. С. Лихачева.

** М. В. Ломоносов «Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года».

*** Нестор Летописец «Повесть временных лет», перевод на современный русский язык Д. С. Лихачева.

Также в книге использованы ещё несколько других точечных цитат из «Повести временных лет» Нестора Летописца в переводе на современный русский язык Д. С. Лихачева, из «Марша советских танкистов» (музыка братьев Покрасс, стихи Бориса Ласкина), и Гимна России (музыка А. Александрова, стихи С. Михалкова), и приведён Псалом 90.

Знак * не ставился, чтобы не нарушать атмосферы повествования.

Что же касается Руслана и Людмилы, Рогдая, Фарлафа и Ратмира, то, уверена — их представлять не нужно, а уж Александра Сергеевича Пушкина — тем более.

А троица богатырей русских Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович — хранители Русской земли — живут в нашем сознании с самого детства.

*Благодарю от всего сердца за
неоценимую помощь и мудрые
советы заведующую отделом
средневековой истории
ФГБУК ГИАМЗ «ХЕРСОНЕС
ТАВРИЧЕСКИЙ», Заслуженного
работника культуры Татьяну
Юсуфовну ЯШАЕВУ.*

*Выражаю благодарность за
помощь в переиздании книги
директору ФГБУК ГИАМЗ
«ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ» Елене
Александровне МОРОЗОВОЙ.*

Содержание

<i>От автора</i>	5
Византия, недалеко от Херсонеса, 65 год по РХ.....	7
Русская земля, Киев, 986 год по РХ.....	14
Византия, Херсонес, 65 год по РХ	24
Русская земля, Киев, 987 год по РХ.....	26
Византия, Константинополь, 987 год по РХ.....	34
Русская земля, Киев, 987 год по РХ.....	38
Русская земля, Киев, 987 год по РХ.....	46
Византия, Константинополь, 987 год по РХ.....	56
Русская земля, Киев, 987 год по РХ.....	63
Путь-дорога.....	69
Византия, Константинополь, 987 год по РХ.....	71
Русская земля... Византия... 987–988 годы по РХ	73
Византия, Херсонес, 988 год по РХ	78
<i>Послесловие</i>	99

Литературно-художественное издание

КОПЫЛЕНКО Татьяна Тимофеевна

**ХЕРСОНЕС.
ВЛАДИМИР. РУСЬ.
ЕДИНСТВО**

Книга издана в авторской редакции
Макетирование, верстка *В. Ковтонюк*
Корректор *М. Зима*
Обложка *М. Воронежская*
Автор иллюстрации на обложке *В. Маркелов*

Подписано в печать 22.06.2019 г.

Тираж 1000 экз.

Формат 84х108/32.

Усл. печ. лист 5,46.

Бумага офсетная.

ИП Зима М. В., г. Севастополь, ул. Руднева, 1д, оф. 5/7
Для писем: 299028, г. Севастополь, а/я 34

Отпечатано в типографии Т8
г. Москва, Волгоградский пр-т, 42

ISBN 978-5-6040392-8-1

© Копыленко Т. Т., текст, 2019

